

**Дружба
народов**

4/2021

В номере:

Книга семейных рецептов

«...Приотворилась дверь, и я стал смотреть в щелочку. По сторонам было полно звезд, а в середине стоял длинный стол... Судя по всему, славно отобедав, собравшиеся коротают время за разговорами. Скоро, наверное, чай поспеет. Всё в целом — что-то вроде композиции Тайной вечери. Однако никаких тебе нимбов. Вдобавок хорошо мне знакомые — мои близкие. В сущности, это просто семейный ужин»... Вынесенное в заглавие книги Андрея ВОЛОСА загадочное слово «Мешалда» — таджикское лакомство, вкус детства. Это книга о тех, кого он «хорошо знал, кого любил и по кому скучает», и об их «рецептах» того, как не утратить вкус к жизни и прожить ее достойно.

«Но если наша жизнь — простой магнит»

Проблемы внутреннего роста, силы личного притяжения, вопросы к жизни и к себе — волнуют всех, особенно поэтов, которые, по словам Константина КОМАРОВА, «творят пейзаж». Недоумение Кати КАПОВИЧ: «Я, я, я, я — какой нелепый вид!» пресекает строка Яны-Марии КУРМАНГАЛИНОЙ: «Когда тебе чуть за сорок, а ты всё равно растёшь». Дебютная публикация Татианы Тейт ЭШ посвящена загадочной крымской легенде об источнике «Ичме сув».

Место встречи с неведомым

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН в статье «Космос как необходимость» размышляет о проблемах, связанных с выходом Человечества за пределы Земли. Сегодня господство в космосе начинает играть ту же роль, что господство в воздухе во время Второй мировой войны, а ранее — господство на море. Современная катастрофическая ситуация неожиданно открывает для нашей страны «окно возможностей». Наилучший способ их использовать — вновь занять лидирующие позиции в освоении космического пространства.

Приморский дневник

«"Эти места, как любовь, — сказал один простой мудрый человек. — Увидишь раз — не забудешь никогда". Это правда. Не бывает любви без страдания, не бывает любви без блаженства. Город-кошмар, город-адреналин, город-тоска, город-солнце, город-простор, светлые задворки земли. Каким ты проснешься завтра? Будет ли солнце? Жду, надеюсь. Никогда не забуду». В рубрике «Страна Россия» Александра ДЕРЮГИНА поет гимн Городу на сопках — своей второй родине.

Выбор был сложен

«я книгу книгу на столе оставляю для тебя/я книгу книгу для тебя оставляю на сто лет...» Для своего «пунктирного обзора» современной белорусской литературы «Голоса живых» литературный критик из Минска Елена ЛЕПИШЕВА отобрала писателей разных поколений: Алеся Рязанова и Дмитрия Строчева, Ольгерда Бахаревича и Насту Кудасову, Виктора Мартиновича, Змитера Вишнёва и Андрея Хадановича — «семь авторов — это семь направлений творческих поисков, знаковых для современной белорусской литературы». Отечественный.

Дружба народов

*Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

*Основан
в марте 1939 года*

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93;
www.oaompk.pf тел.: (495)745-84-28;
(49638)20-685

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.02.2021.
Подписано в печать 30.03.2021.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отт. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 2000 экз.
Заказ 8024. Цена свободная.

Редакционная коллегия

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Ольга
БРЕЙНИНГЕР
Ирина
ДОРНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА

Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЁВ

Редакционный совет

Сухбат
АФЛАТУНИ

Муса
АХМАДОВ

Ольга
БАЛЛА

Дмитрий
БИРМАН

Денис
ГУЦКО

Иван
ДЗЮБА

Валентин
КУРБАТОВ

Ольга
ЛЕБЕДУШКИНА

Фарид
НАГИМ

Илья
ОДЕГОВ

Кнут
СКУЕНИЕКС

Сергей
ФИЛАТОВ

Ренат
ХАРИС

Вячеслав
ШАПОВАЛОВ

ЭЛЬЧИН

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Яна-Мария КУРМАНГАЛИНА. Когда тебе чуть за двадцать. <i>Стихи</i>	3
Андрей ВОЛОС. Мешалда. <i>Книга семейных рецептов</i>	6
Катя КАПОВИЧ. Простой магнит. <i>Стихи</i>	86
Евгений СОЛОГУБ. Там, где мрак сгустел. <i>Судьба из романа</i>	89
Павел КРУСАНОВ. Глухарь. <i>Рассказ</i>	120
Максим Д. ШРАЕР. Стихи из айпэда	128
Денис ГУЦКО, Дарья ЗВЕРЕВА. Сорокопуты. <i>Рассказ</i>	131
Олег КОРИОНОВ. Круговерть. <i>Рассказы</i>	141
Татiana Тейт ЭШ. Ичме сув. <i>Стихи</i>	154
Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ. Часовой мастер. <i>Рассказ</i>	156
Владимир ДЕМИН. Разговор. <i>Рассказ</i>	165

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Константин КОМАРОВ. Чистого воздуха нерв. <i>Стихи</i>	177
Ырысбек ДАБЕЙ. Обнимаю дороги. <i>Стихи. С казахского. Перевод К. Комарова</i> ..	180

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Олег РЯБОВ. Укус лесной осы. <i>Рассказ</i>	182
---	------------

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Ирина ВАСИЛЬКОВА. Паррезия, или Крипты речи	188
---	------------

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ПЕРЕСЛЕГИН. Космос как необходимость	194
---	------------

СТРАНА РОССИЯ

Александра ДЕРЮГИНА. Приморский дневник	207
---	------------

КРИТИКА

Елена ЛЕПИШЕВА. Голоса живых. <i>Пунктирный обзор современной белорусской литературы</i>	220
--	------------

ЧИТАЕМ ВМЕСТЕ

Погоня за призраком. <i>О романе Леонида Юзефовича «Филэллин» размышляют Дмитрий СТАХОВ, Игорь КУЗНЕЦОВ и Елена ИВАНИЦКАЯ</i>	240
---	------------

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Елена САФРОНОВА. Кино про смерть (Т. Милова. «И краткое: Стихотворения») 252
Ольга БУГОСЛАВСКАЯ. «У бездны мрачной на краю» (А. Дмитриев. «Этот берег») 256
Андрей КОЛЕСНИКОВ. Время и место Михаила Румера (М. Румер-Зараев. «Хождение по руинам: портреты трёх сельских районов на фоне новейшей истории») 258

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. И снова слово на букву «И»	262
---	------------

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Чацкий навсегда	267
-------------------------------------	------------

SUMMARY	272
----------------------	------------

Яна-Мария Курмангалина

Когда тебе чуть за двадцать

* * *

когда тебе чуть за двадцать,
и жарок внутри заряд,
поэзия — мать повстанцев,
не ведавших, что творят,

где каждый, кто признан годным
и равным своей тоске,
повиснет щенком голодным
на тощем её соске.

а после, привыкнув к бликам,
запомнив немало лиц,
поэзия — мать великих
бессмертных самоубийц,

летающих с тех же горок.
и выше её платеж,
когда тебе чуть за сорок,
а ты всё равно растёшь.

* * *

для того, чтоб здесь не сойти с ума,
моя жизнь сокращает себя сама,
по кофейной капле из пор сочась,
по одной сигарете в час.
по одной таблетке, чтоб спать без снов,
по любви, не нашедшей тех самых слов,
что, смешавшись с горькой слюной во рту,
превращаются в кислоту.

Курмангалина Яна-Мария — поэт, переводчик, редактор. Родилась в 1979 году. Окончила Литературный институт им. А.М.Горького и ВГИК им. С.А.Герасимова. Автор четырех сборников стихов, в том числе «Спит Вероника» (М., 2019) и книги прозы для детей «Журавлиное солнышко» (М., 2016). Участник студии сравнительного поэтического перевода «Шкереберть» журнала «Дружба народов». Живет в Одинцове.

по одной простуде, где я горю
в одиночку. по каждому ноябрю.
по зиме, в которой не говорю,
не пишу, не дышу, не зрю.
по безумцу, по снобу, по главарию,
по строке, по слогу, по букварию,
по одной заре, одному огню.
я ни в чем её не виню.

* * *

что не сходилось, —
огненный острослов,
скудной равнины женщина-суккулент, —
стало тобой, дитя, наша плоть и кровь,
школьник весёлый,
будущий мой студент.

так не смыкаются
дальние берега,
так в кровоток зимы не вживить июль,
так не встречает враг своего врага,
чтоб на войне друг друга
закрывать от пуль.

так навсегда,
ребёнок моей души,
мы проросли в черты твоего лица.
...если отец не пишет, то сам пиши,
не забывай отца.

* * *

утром мои скрижали — вишенки на пижаме,
мысли бегут ежами, гонят меня
с постели.

где-то мы не дожали, где-то передержали,
вот от того и жалит, — или, верней,
метелит.

как-то умеют профи прятать такое в сейфе,
я и сама, как серфер, — на высоте
цунами.

так что, не буду выпью: встану, зевну и выпью
этот ужасный кофе — в космосе
между нами.

* * *

под шкафом мышь разделяет булку,
на чайном блюде сгорбилась свеча.
висит звезда над тёмным переулком,
где кто-то злится в поисках ключа.
лишь тополей белеющие гетры
в холодной тьме отчётливо видны,
и на верёвке хлопают по ветру
печальные спортивные штаны.
короткий день мгновеньем бирюзовым
мелькнул, ударив светом по лицу.
и жмёт ноябрь, как парочка кирзовых
сапог у новобранца на плацу.
смотри, смотри, невидимый свидетель,
здесь все равны, — в начале всех начал, —
и я, и ночь, и крошки на паркете,
и шкаф, и мышь, и звёзды, и свеча.

* * *

...и уже ничего возвращать не надо,
ни словесным золотом, ни разменом.
даже если тебя унесёт торнадо,
всё вокруг останется
неизменным.

тот же чайник будет свистеть, как птица,
клокотать, наполненный под завязку.
тот же мальчик будет в забавных лицах
выдавать историю
или сказку.

будет пёс подпрыгивать так же лихо
или спать с беспечностью кабыздох.
знаешь, в центре торнадо настолько тихо,
что и ты своего не услышишь
вздоха.

...и уже не нужно искать ответа,
обоюдоострого, ножевого.
даже если случай сведёт нас где-то,
буду просто рада тебе,
живому.

Андрей Волос

Мешалда́

Книга семейных рецептов

Секреты сервировки

У Веты была подружка Элла. Элла подарила Вете на день рождения корову.

Корова была из папье-маше, пегая, в белых яблоках и на колесах. И такая большая, что на нее можно было садиться.

Конечно, это был потрясающий подарок. Но ведь и пятилетие — важный этап в жизни человека.

Элла и потом приходила. Подруги славно играли. А если ссорились, Элла расстраивалась.

— Ах, так? — говорила она. — Тогда отдай мою корову!

Вета понимала, что чудесная корова изначально Эллина, и безропотно отдавала. Элла укатывала корову домой.

Наверное, родители объясняли Элле, что, если она что-то уже подарила, нехорошо забирать подарок. Через несколько дней Элла приводила дареное животное обратно, благо жили недалеко — в одном бараке.

— Ладно, возьми, — хмуро говорила она. — Я же тебе ее подарила. Что делать. Это теперь твоя корова.

— Хорошо, — соглашалась Вета. — Давай.

Они опять играли и дружили. Но ведь всегда может случиться что-нибудь такое, от чего дружба не крепнет, а наоборот.

— Что? Я так не согласна! Отдай мою корову!

— Ладно. Бери.

Потом отца перевели в Курган-Тюбе. Когда переезжали, все были только рады, что корова снова у Эллы, потому что на арбу она бы все равно не поместилась.

Волос Андрей Германович — прозаик. Лауреат международной литературной премии «Москва — Пенне» (1998), Государственной премии Российской Федерации за роман «Хуррамабад» (2000), лауреат премий «Русский Букер» и «Студенческий Букер» (2013) за роман «Возвращение в Панджруд» и др. Постоянный автор журнала.

Предыдущая публикация в «ДН» — притча «Гратис» (2020, № 7).

Журнальный вариант.

Курган-Тюбе кое в чем отличался как от Сарай-Камара, так и от совхоза имени Кирова — куда больше был кишлак. Но главная разница между ними состояла, на Ветин взгляд, в том, что на здешний базар приходил старик с мешалдой.

Уяснить, когда именно он приходит, было не так просто, он не придерживался сколько-нибудь регулярного графика. В обычные дни в рядах сидели почти исключительно свои, кургантюбинские. В четверг появлялись дехкане из окрестных кишлаков — оттого четверговый базар получался дешевый, всю неделю его потом вспоминали. В пятницу, наоборот, шаром покати, вообще никого: как ни борется советская власть с религиозными предрассудками, да ведь таджикам хоть кол на голове теши, у них все не как у людей, вот и после четверга не пятница, а такой день, название которого по-русски и написать-то правильно нельзя, потому что нет буквы для обозначения слитного произношении «дж», джума, — а все равно он у них праздничный и базара не бывает.

Может быть, старик был не тутошний, не всегда мог добраться. А может, наоборот, жил неподалеку, просто не каждый день заглядывал. Или, в конце концов, не всегда у него получалось намешать что следует: может, когда сахара не нашлось, а когда и яиц. В общем, как ни прикидывай, а не угадаешь.

Если старика на базаре не было, Вета разочарованно и мечтательно рассказывала матери, какая у него, наверное, вкусная мешалда. Помнишь ведь, говорила она, сюда приходит седой старик в старом чапане, сегодня нет, а обычно вот тут сидит, за огурцами или вон там, где морковка, и продает свою мешалду. Знаешь, какая она у него, наверное, вкусная.

И мать, прицениваясь к редиске или помидорам, рассеянно поддерживала беспредметный разговор: ну да, мол, отлично помнит она этого старика. Как не помнить, она многих тут знала, если не всех, и ее все знали, да и как иначе, базарчик-то с гулькин нос, поневоле примелькаешься.

А если старик и правда сидел, постелив на землю чапан, а ведро с мешалдой и деревянной чумичкой разместив между босых ног в галошах, мать озабоченно и даже сердито говорила, что, во-первых, в мешалде этой нет ничего хорошего, дело-то нехитрое, болтай себе яичные белки с водой и сахаром, ну еще мыльный корень кладут, чтобы пена крепче стояла, и бадьян для вкуса, вот и вся премудрость, да неизвестно, из чего на самом деле этот бородатый старик в грязной чалме по теперешним-то несатым временам свою мешалду мешает. Во-вторых, что самая хорошая мешалда все равно вредная, от нее у детей зубы выпадают, у Веты и так уже двух нет, а между тем ей скоро в школу записываться, и если дело так пойдет, могут и не взять, там беззубые ни к чему, своих хватает. В-третьих, у них с собой ни плошки, ни даже газеты кулек сделать, так что и взять мешалду, когда купят, будет совершенно не во что. Ну и, наконец, что последние копейки они только что истратили на капусту, картошку и лук, а это куда важнее, Вета и сама должна понимать, уже большая.

Издавека мешалда была похожа на густую сметану, но пузырчатая и сладкая. Мама уже работала в завкоме, Костя едва ходить начал, а тут еще Миша родился, так что даже на базар Вета теперь бегала сама. И уж какая там мешалда, нынче не до мешалды, разобраться бы, сколько и чего купить, а на что точно не хватит.

Да и вообще, хоть ей тогда еще и девяти не исполнилось, а все равно взрослые себе мешалды не покупают, это лишь дети вечно ноют, купи да купи, сама сколько раз видела.

* * *

В Курган-Тюбе был примерно такой же барак, как в совхозе Кирова. Только в совхозе Кирова назывался «инженерный барак», потому что там жили инженеры и технические работники с семьями, а здесь «барак хлопзавода». На самом деле и хлопзаводские, и кировские инженерные были не совсем бараки, не сплошной казармой, а с перегородками на шесть квартир.

Их крыльцо, как и пять других, выходило на глиняный пустырь, на пыльную землю, намертво вытопанную сапогами и копытами, выжженную солнцем до глянцевого желто-коричневого фаянса.

Сразу, как выдался свободный часок, отец вбил четыре колышка: два у самой дороги, еще два у стены по обе стороны от крыльца: честно поделил расстояние до соседских ступенек. И отгородил свой прямоугольник, натянув между ними тесемку. До темноты работал. Лопата спекшуюся глину не брала, а кетмень ничего, справлялся.

Соседи поглядывали. Кто уважительно кивал, кто пожимал плечами. Механик Никанор Петрович, к вечеру захмелившись, по холодку сидел на своем крыльце с папирсой.

— Ну что ты, Константиныч, — благожелательно вразумлял он. — Что ж ты такой твердолобый, честное слово. Который день ковыряешься. Да разве может тут что-нибудь вырасти?

Папа в ответ лишь посвистывал. Если не слишком поздно приходил с работы, час-другой проводил в палисаднике. Неторопливо рыхлил, без спешки носил ведрами воду от хауза, что во дворе больницы.

Через месяц-другой по границам участка вдоль натянутой некогда бечевки подняла пунцовые шапки фиолетово-зеленая клещевина. Чуть позже мать непременно разносила первые дары земли по соседям.

Все хрустели огурцами, нахваливали помидоры, Венька Любимов вообще всякий раз божился, что завтра же сам возьмется за лопату.

Один механик Никанор Петрович отказывался от угощения горделиво и наотрез — под тем соусом, что ему подачки ни к чему, и вообще, дескать, он не любит, когда на пустом месте выставляются.

Словами дело не обошлось. Видя, что сосед не умеряет частнособственнической инициативы, грозящей в скором времени привести к прежнему игу и всеобщему закабалению, по прошествии некоторого времени Никанор Петрович как человек сознательный взялся за перо и написал куда следует, что Воропаев скрытый кулак, общих задач не понимает, а в массы трудящихся, радеющих за построение социализма, затесался случайно, если, наоборот, не специально по злему умыслу, так что хорошо бы разъяснить, не лелеет ли он коварных планов предательских козней.

Однако участковый, явившийся по сигналу исследовать вопрос, нашел, что сельскохозяйственная продукция производится собственным трудом без использования наемной силы и никоим образом не на продажу, а исключительно для нужд потребления разросшейся семьи, что же касается излишков производства, то они реализуются едоками посредством доедания, и то не каждый день хватает.

В итоге дело в целом развития не имело, но Никанор Петрович, не получив от властей должного удовлетворения, продолжал все семейство недолюбливать, за глаза называл рвачами и крохоборами и намекал, что у этих Воропаевых где-то есть волосатая лапа.

Катя Капович

Простой магнит

* * *

Над серыми дворами — облака,
над этой жизнью — жизнь другая тоже,
и трудно осознать наверняка,
которая из двух тебе дороже.

И та, и эта тайною манит,
и та, и эта — для отвода взгляда.
Но если наша жизнь — простой магнит,
то только там — весов и мер палата.

* * *

С. Г.

Ничем не связанные веком
в круговороте немоты,
мы близко. Я — листва под небом,
всё остальное в мире — ты.

Листва горит на небосклоне
под ледяной осенний свист
и трёт кленовые ладони,
но и её бросает вниз.

Есть поэтический обычай —
в унынье не ходить к врачам,
для бодрости — стакан «столичной»
и петь романсы по ночам.

И станет зыбкою граница
в дотошной прописи земной,
и жизнь навеки повторится —
одна между тобой и мной.

Катя Капович — двуязычный поэт и прозаик, автор двенадцати книг на русском и английском языках, в т. ч. книги избранных стихов «Город неба» (М.; «Эксмо», 2021). Лауреат многочисленных премий: Библиотеки Американского Конгресса (2001), Русской премии (2012 и 2014) и др. Живет в Бостоне.

Воспоминание

Лёгкая вьюга прогулки к тебе
после того, как закрыли метро,
детское облако дыма в трубе,
как серебро.

По пешеходной полоске моста
над замерзающей серой рекой,
над некрасивыми глыбами льда —
и на другой.

Мне бы к тебе дотянуться: «Пусти,
я не ревную тебя, хоть убей»,
греть бы замёрзшие пальцы в горсти
у батарей.

Ночь будет, длинная ночь до утра
восемь несчастных, счастливых часов.
Скажешь: «Малыш, ты судьба и сестра,
но не любовь».

* * *

Всё, что надо — два окна,
лампа и диван,
комната на времена,
песенка цыган.

Пригласить любовь свою
жизни на краю,
чтобы пели, как в раю,
Невечернюю.

Чтобы пробрало насквозь,
отпустило прочь,
чтобы сердце унеслось
и летело в ночь.

Без руля и без ветрил,
в темноту стремясь,
посреди миров, светил,
и рыдало всласть.

Автопортрет

Вот наблюдений сумрачный объект
пересекает городской проспект
по направлению к близкой остановке
возле конторы «Смитт и сыновья».
А это кто же? Неужели я?
Штаны и куртка, на ногах кроссовки.

Я, я, я, я — какой нелепый вид!
Век ходит, сигаретою дымит,
в ладони пересчитывает мелочь,
на красный свет через дорогу прёт.
Да разве, мама, ты любила вот
такую? Правду молвил Ходасевич.

Что на уме, то и на языке,
на языке же то, что в кулаке,
а именно, два доллара с полтиной.
«Я» на автобус в человечесий хвост
становится. Смотри, закат замёрз.
Жди очереди и не будь скотиной.

* * *

Чёрны по краю
с углём сарай.
Идёт вторая
волна зимы.
Идут трамваи
в наплывах тьмы.

Купить бы вот
золотую рыбку,
пусть принесёт
что-нибудь она,
и от блошиного прямо рынка
в трамвае въехать
в те времена.

В холодный город,
в пейзаж немаркий,
в места свиданий
из прежних лет.
И рыбка в банке
всё-всё исполнит,
когда желаний
на свете нет.

Евгений Сологуб

Там, где мрак сгустел

Судьба из романа

Дивертисмент

Бережно уложив ладони под каменную поросшую сухим кустарником волос голову, в исхудалом теле, в грязном, истоптанном, избитом пальто на жесткой холодной дырявой скамейке спит мужчина: обтерханный воротник закрывает его щетинистые впалые щеки, острый нос болезненным выпадом торчит из лица, грязный высокий лоб хранит память о том, что жизнь еще морщится на нем; джинсы его облипли грязью, а обшарпанные бледные кроссовки напоминают тухлую сумеречную петербургскую осень. Прохожие, выбрасывая обрывки фраз, семят мимо, вдыхают загаженные городом лиловые сумерки, пропадают в подъездах многоэтажек. Он лежит. Не шевелится. Зажав между ладонями клочок газеты — такой же ненужной теперь, как и этот человек здесь, в точке мира. Из людского потока выскальзывают двое полицейских: прапорщик и сержант. Нависают над мужчиной. Толкают немое тело.

— Э, пассажир! Конечная! — баритонит сержант. — Приехали!

Оставляя высотки за спиной, нависают над ним две фигуры: в баклажанной форме, с оберегом ровных белых букв на спине. Полицейские — прапорщик и сержант — толкают немое тело.

— Э, пассажир! Конечная! — баритонит сержант, тормозит двумя руками: — Уважаемый, приехали!

— Жмурик, что ли? Проверь! — приказывает прапорщик.

У прапорщика на синеватом лице нервно моргают смазанные глаза, а голос высокий, скулящий. Сержант нащупывает пульс под воротом пальто. Одобрительно кивает, мычит: «Живой».

— Ну-ка. Давай его поднимем.

Четыре полицейских руки насильно ломают тело под форму скамейки. Шлепками прохаживаются по щекам.

— Ау-у-у! Любезный! Приехали, говорю! Просыпаемся!

— Юр, а от него и не воняет.

Евгений Сологуб родился в Петрозаводске, окончил филологический факультет Петрозаводского государственного университета. Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 10.

— Так что теперь? — и опять: — Просыпаемся!
Лицо мужчины спокойно, только губы ворочаются:
— Во-первых, я давно приехал. Во-вторых, сон — категория относительная.
В третьих, нечего мышами шарить. Денег нет.
— Попутал, что ли? Не видишь, с кем говоришь?
Мужчина не раскрывает глаз.
— Видимо, с кем-то из представителей рода человеческого.
— Нам бы ваши документы увидеть, — неожиданно для себя вежливо просит сержант.
— Нет документов.
Мужчина протягивает клочок газеты. Приоткрывает один глаз.
— Всё ясно, — улыбается. — Говорю же, денег нет.
Прапорщик пускает ему кулак под дых. Мужчина сплевывает воздух. Раскрывает глаза.
— Во-о-т, сразу очухался! — хихикает сержант.
Прапорщик тычетя носом в ушную раковину разбуженного.
— Если ты мне с начала дежурства мозг трахать будешь, придурок очарованный, не отдышишься.
— Вы можете меня изнавозить, изземлить, растоптать. Документов не появится.
— Бесплезно, Юр.
— Поднимай тогда его.
— Да что мы с ним будем делать?
Юркие пальцы сержанта ползают по карманам.
— Да вот же! Есть у него паспорт.
— Это ничего не доказывает, — продолжает улыбаться мужчина. — Я и стоя могу спать.
— Дай сюда, — прапорщик выхватывает надорванный мятый паспорт, раскрывает его.
— У него же здесь даже фотографии нет.
Сержант смотрит на главный разворот: окно вместо снимка.
— Он ее вырезал.
— Не люблю фотографий, — комментирует мужчина.
— Имя-то кто тебе такое дал, увалень!
— Вы бы в меня свое время не складывали. Слышу, — мужчина прислоняет грязную с почерневшими ногтями кисть-антенну к уху: — слы-ы-ышу, кто-то помощь зовет.
— Сука какой, а! — скулевизжит прапорщик.
— Юр, давай оставим его, пошли. Больше мороки.
— Идите, господа, идите.
Прапорщик осматривается, пропускает мимо еще несколько прохожих и запускает кулак в косматую бровь юродивого, мечет в него паспорт. Мужчина падает на скамейку, прижимает бровь и, улыбаясь, шамкает в ответ:
— Спасибо.
Прапорщик сплевывает под ноги, еще что-то шипит и в свирепой дрожащей борьбе самообладания с яростью отскакивает от скамейки. Сержант его догоняет, виновато оборачиваясь в лиловых подсвеченных сумерках. Юродивый, отмахиваясь от немых вопросов, возвращается в горизонтальное положение, сует паспорт за пазуху, ощупывает взбухшую мокрую бровь, размазывает кровь по лбу, разглаживает клочок газеты и, не видя, но помня текст, читает.

Не первый и не последний раз: *Фаворский свет в современной благотворительности. Почему в литературе по-прежнему есть место доброму делу, и как превратить издательский бизнес в улыбку оставленных детей*, — скажут его глаза по размазанным буквам, а уголки губ лезут к ушам. — *В цивилизованных странах благотворительность является нормой жизни, и Россия в этом отношении остается на задворках, то ли стесняясь, то ли жадничая. О проблемах благотворительности, о слове, ставшем плотью, и что должно произойти, чтобы человек осознал в себе ориентированность на благо, рассказал идейный вдохновитель и лидер благотворительного издательства «Фавор» Яков Персин...*

* * *

Нужно было решиться. Что-то предпринять.

Перед глазами висит. Каплями избитое, прыщами изрытое. Да не лицо — лаваш, мышами обдерганный. «Я — здесь, я — в очереди, все в порядке, ждую», — язык по шелковицам губ дождь слизывает. Изморосил тело дождь петербургский: тает оно, еле стоит в потоке, справку в синяках печатей в нос тычет. Сквозь шум крови слышит младший сержант ухмылку прапорщика, дрожь старшины — чуть поодаль. Глаза жадные всюду стреляют да по спине — автомобильный гром. Всего-то документы проверить, отпустить: свободы всем хочется, жить не запретишь! Там же — за спиной — ждут другого. «Это боевое крещение, товарищ младший сержант. Уши не развешивай. Ты что же, в полицию за правдой пришел? Или же за стабильностью? Крутись, крутись!» Падай — занимай стул. «Они тебе потом, знаешь, устроят. Всю спину исплюют, еще и ныть будут!» — это уже другой кто-то, рядом, науськивает. Взгляда в набухшем лаваше не видать, лишь влажные замочные скважины пустуют. Ключ понимания подбери, отвори.

Младший сержант Велехвалов скважины прогнал.

Прапорщик, на удивление без усов, облокотившись на «козлика», ухом выслушивает копошение в *жалелке*. Двух бомжиков собрали, причешут в вытрезвителе. Кулаком стучит в ответ, смехом давится. Надо бы пройтись.

— Жене на подарок надергать! Кровь из носу, обмороки!

— Надергаем, товарищ прапорщик. Ночь длинная, — хлопает носом старший сержант.

Ум короток. Костик Велехвалов привыкнет. опытом упиваться надо, барахтаться, не тонуть. Здесь в очереди стоять не нужно. Выходи. Бери.

Только не проси. Само придет. Отец-то гордится, да пропал куда-то!

Помнил младший сержант Велехвалов одобрительный слезный голос командора, Велехвалова-старшего, подергивания и перебежки его там, далеко — то на берегах Онеги, то Северной Двины — не уследить.

— Я горжусь тобой, сынок! — не голос — раскаленный песок афганский.

— Спасибо, отец. Спасибо!

— Человечище!

Капитан в отставке, отец, воин, и формы у него не снимал. В старшие офицеры так и не перешел да жаловался:

— Умру — и залпом оружейным не помянут. Лишь молчанием.

— Молчание — это даже лучше, пап.

— Заткнись!

Сдулся. Костик знал: хлопнула душа, сломался. Попросили, или сам ушел. Не любил отец об этом, лучше о другом. О том, как мир рушится без войны. Точнее,

---

Павел Крусанов

Глухарь

Рассказ

«Небо — птицам, чай — официантам, проливы — России, — в каменном античном стиле думал Пётр Алексеевич, сворачивая на заливаемую светом фар грунтовку к Баруте. — На этом надо бы сойтись, а то больно разбрасываемся. Во всем следует знать меру, даже в великодушии». Вдохновляемый одиночеством, он часто грезил о *правильной* истории, которая должна блистать вопреки той, что по недоразумению предьявлена. В определенном смысле Пётр Алексеевич был эскапистом, хотя и не заплывал в мечтах настолько далеко, чтобы терять из вида берега. Так и сейчас — определив хозяина проливом, он вновь сосредоточился на падающей в ночь дороге.

Когда прошлым летом Пал Палыч показывал Петру Алексеевичу родник, из которого возит домой в двадцатилитровых бутылках под помпу животворную воду (водопроводную, богатую железом, то ли вымытым из старых труб, то ли растворенным в подземном горизонте, он не пил сам и заказал пить домашним, опасаясь за дорогие сердцу организмы), заодно заехали в два места, которые в поисках боровой дичи Пал Палыч разведал еще в марте. То были токовища — одно тетеревиное, на краю просеки, в непролазно заросшей молодой порослью поруби за проселком из Конькова в Теляково, другое в старом бору у мохового болота, по дороге на Баруту — там точили глухари. Заповедный родник бил в низине, недалеко от Болотова, поэтому в тот день изрядно напетляли, что у охотников не диво: бешеной собаке семь верст не крюк. Зато теперь Пётр Алексеевич мог сам, не отвлекая от домашних дел Пал Палыча, попытать счастье на току. Тетерева свои поляны, облюбленные для весенних песен и драк, не меняют по много лет. У глухарей — такое же обыкновение. Тем не менее, чтобы не вышло промашки, перед приездом Петра Алексеевича Пал Палыч заглядывал на вечерней зорьке в старый бор, осторожно подбирался к болоту и слушал — *поподсадам* насчитал петухов семь-восемь.

Сюда, на глухариный ток, в поздних вечерних сумерках Пётр Алексеевич и отправился. Выпавший вчера снег вчера же и растаял. Снова потеплело, и на расчистившемся небе повисла мастерски отрезанная половина сияющей луны. Так рекламные самураи своими вострыми сабельками рубят летящий в воздухе

Крусанов Павел Васильевич — прозаик. Родился в 1961 году в Ленинграде. В первой половине 80-х — активный участник музыкального андеграунда, член Ленинградского рок-клуба. Четырежды финалист премии «Национальный бестселлер», финалист премии «Большая книга» за роман «Мёртвый язык» (2010). Живет в Санкт-Петербурге.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

апельсин — только сочные капли звезд брызжут в стороны. Вечерний свет небес погас, лес заливало с черно-лилового купола серебристое сияние, басовито урчал сильный мотор, по пластику приборной панели бежала лунная рябь.

Вскоре за служащим приметой верстовым столбом (километровым, разумеется) Пётр Алексеевич свернул с грунтовки на едва угадывавшуюся в свете фар, местами раскисшую и чавкающую лесную дорогу. Эти места, именуемые Жарским лесом — ближайшая деревня называлась Жар, — были ему более или менее знакомы: обычно в августе он возил Полину и ее сестру Нику на здешнее болото за голубикой. Пока женский пол возился с ягодой, Пётр Алексеевич бродил с корзиной в лесу по соседству в поисках грибного народца: помимо годящихся лишь в засол горькушек, здесь обитали моховики, лисички и коричнево-шоколадные боровики — сердечные дары от леса-батюшки. Черничниками, брусничниками и земляничными полянами были богаты и окрестности Прусов, а вот хорошей гоноболи не было: кустик тут, кустик там — не ягодный ковер, а кошкины слезы. Зато в Жарском лесу на болоте голубику можно было брать двумя руками — крупную, крепкую, с восковым налётом, точно лесной рассыпной виноград — и на десятке квадратных метров *надрать* ведро.

Остановив машину возле дороги на небольшой крепкой проплешине, усеянной поверх коротковорсного мха сосновыми шишками и хвоей, Пётр Алексеевич погасил фары и заглушил двигатель. Вышел осмотреться: луна ушла за облако, слегка подсветив бледным сиянием его кудреватый бок, лес вокруг стоял темный, тихий и немного тревожный, как всякая ночная чаша, — кусты можжевельника обретали пугающие формы, изредка беспокойно вскрикивала незнакомая ночная птица, свежий воздух дразнил ноздри, неприветливо холодил лицо и руки. Вновь забравшись в еще не остывший салон со стороны пассажирского сиденья, Пётр Алексеевич откинул спинку и устроился подремать — часов до двух есть время, а там уж он успеет затемно, пока рассевишиеся с вечера по соснам глухари спят, выйти на ток.

Сон не шел. Сменяясь, крутились в голове видения.

Несколько дней назад, перед отъездом из Петербурга, он, щелкая пультом, наткнулся в телевизоре на передачу полемического свойства с заявкой на духовность: три раскованных поэта, надувший щеки, как влюбленная лягушка, прозаик, нервный седой драматург и осведомленный, но сдержанный ведущий пытались определить различие между московским и петербургским стилем, разбирая особенности двух версий письма. Сейчас этот пылкий и пыльный диспут не к месту всплыл в памяти, и Пётр Алексеевич улыбнулся — различие и сходство между Москвой и Петербургом еще полтора столетия назад прекрасно очертил Пётр Вяземский: в Москве умничает глупость, а в Петербурге ум вынужден дурачиться...

Потом Петру Алексеевичу, перевалившемуся на другой бок, вспомнилось, что Пал Палыч рассказывал про родник у Болотова — врал, как француз, путешествующий по России: мол, на ручей, берущий там начало, приходят раненые и больные звери, чтобы подлечиться — пьют, плещутся и делаютя, как говорил рассказчик, здоровы. Так про себя Пётр Алексеевич и называл этот ключ — животворный. А вот людей, со слов Пал Палыча, родник врачевал на выбор: кто рос не на природной здешней пище, а привык к магазинной (Пал Палыч говорил «товарной»), тем помощи не жди, хоть ты запейся, а тем, кто пуповину не порвал, кто по-старинке жил на исконном и натуральном — таким способствовал... Себе Пётр Алексеевич, пусть он и вырос на еде *товарной*, обычно тоже привозил с родника пару баклажек. Съездил на ключ и вчера — свежий, радостный вкус этой воды было не сравнить с известковой колодезной.

Следом припомнились недавние сборы перед отъездом на Псковщину — он укладывал в рюкзак одежду.

Максим Д. Шраер

Стихи из айпэда

Приоткрытый чемодан

Из страны уходящих ремёсел,
где ни мишек не купишь, ни кукол,
я привёз коромысел и вёсел
да расплавленный колокол,
а ещё полдеревни домишек,
почернелый амбар и дровишек,
всяких там кочерёжек и рюшек,
и резных деревенских зверюшек.

Где Балусевы эти Починки?
Где ваш конный завод за рекою?
Все лошадки в обозе почили,
всех тамбовских волков приручили,
песни все напролёт перепеты,
и тарелки давно перебиты,
все касимовские поэты
позабыли родные пенаты.

Я сижу в карантине полгода,
отражаясь в экране айпэда,
как же всё надоело: погода,
океанская эта остуда,
завыванье Трескового Мыса,
золотушное лето на даче,
мне не хочется вашего смысла —
мне бы только уехать подальше.

Максим Д. Шраер (Maxim D. Shraier) — поэт, прозаик, литературовед, переводчик. Родился в 1967 году в Москве в семье писателя Давида Шраера-Петрова и переводчицы Эмилии Поляк, с семьёй провёл более 8 лет в отъезде и эмигрировал в 1987 году. Профессор Бостонского Колледжа. Автор более 15 книг на английском и русском языках, среди которых «В ожидании Америки», «Бунин и Набоков. История соперничества» и др. Живёт в Бостоне.

Проводы жаркого лета

Самый длинный июль отлетел...
Он был пуст, словно пляж,
он был гол, словно плешь,
беспощаден, как плющ,
и бездарен, как плевел.

Он морскую траву отравил,
обезглавил лиман,
он туман отменил,
по горящим дорогам лесным
ночь на север отправил.

Только осенью поняли мы,
надышавшись прохладой ночной,
насладившись холодным дождём,
что испытывал Ной, выплывая из тьмы
в допотопном ковчеге своём.

Советская поэзия

...Как семечки, словечки лузгает,
Небесной музыкою брезгуя.
Я не люблю поэта Слуцкого —
Почти как Феликса железного.

Татьяна Вольтская

Понимаю: Сельвинского, Слуцкого
и Багрицкого, Луговского, —
отрекаясь от плена словесного,
обрывая с копыт подковы, —
вы хотите отринуть советское
зарифмованное стервецкое...

Не получится, не надейтесь вы,
хоть все рифмы их перевейте вы.
О волне забывает вёсельник,
о петле не забудет висельник...

Был он мастер ямбов неправильных,
был он визионер, не праведник.
Выбирая лирика русского,
псалмопевца любя еврейского,
принимаю поэта Слуцкого,
непоэта судить не вправе мы.

На перезахоронение моего деда

Прах твой добрался до Нового Света
в пластмассовой урне в пустом саквояже,
видишь, твоя похоронная свита
снова в могилу тебя провожает.

Бензоколонка. Стрётот хайвэя.
Изморозь. Сосны. Трава и ограда.
Братья и сёстры, примите еврея —
потустороннего иммигранта.

На задавайте вопросов наивных —
американских, чужих, расторопных.
Лучше спросите, лучше на идиш,
впрочем, как знаете, дед не из робких:

«Кто вы такие? Зачем вам тревожить
предков своих на далёком погосте?»
«Мы иммигранты. Устали мы жить
там, где зарыты родимые кости».

Так Моисей, уходя из Египта,
не пожелал оставлять фараону
кости Иосифа. Вынес из крипты
и через Красное море — в дорогу.

Так иммигранты, судьбе непокорны,
не оставляют в прошлом скрижали,
в землю пускают новые корни —
в землю, которую к сердцу прижали.

Стихи из айпэда

иссяк рог
изобилия булок и женщин
Генрих Сагир

Дарю тебе стихи из айпэда,
ты всё равно меня не поймёшь,
раньше дарили фотки из ФЭДа, —
помнишь, застали такую вещь?
Чёрно-белый куст бересклета
и другая альбомная ветошь...

Помнишь, в нашем московском детстве
каждый кадр, каждый жест был дорог?
Мы хранили никчёмную грусть,
а теперь она живёт в темноте.
Вот и всё: цифровой изобилия рог
переполнен и перепуст.

Денис Гуцко, Дарья Зверева

Сорокопуты

Рассказ

Солнце уходит — и все меняется. Блекнет нежная медь, гаснет. Проступает в загустевшей синеве задумчивый скуластый призрак — разверстой мутной глазницей пялится на перелесок, на пристань, на изгиб реки. Вода погасла, деревья плечом к плечу замерли над самым обрывом.

Не вставая с кресла, Зоя кидает полено в жаркий, весело потрескивающий камин.

Андрей: Да хватит пока. Накочегарила!

Перегнувшись через спинку, Зоя находит взглядом Сергея.

Зоя: Серюня! Ты где пропал?

Вдохнув полной грудью, Сергей пропевает в распахнутое панорамное окно: «Ляпота!», — идет к столу.

Зоя: Ты все-таки пропустил первую рюмку, Серюня!

Сергей плюхается на диван.

Сергей: Как же хорошо, что выбрались, а! В детстве, помню, терпеть не мог с родителями на дачу. А им как медом намазано. Упадутся за день, вечером чаю заварят, сядут на веранде с видом на закат... мать отца за руку держит. Сейчас только понимаю... Мне вот так посидеть не с кем.

Зоя: Хочешь, я тебя за руку подержу?

Сергей: Зойка! Я вообще-то о серьезном. Что я хотел... Как же на природе-то охренительно! Все становится на свои места.

Толкает рюмку на середину стола — мол, пора еще по одной.

Сергей: Река, сосны... Камыш как будто горит. Заново рождаешься. Природа — это все-таки... дааа!

Зоя собирается вернуть очередную шутку, но, встретившись взглядом с Андреем, раздосадованно фыркает, берет бутылку. Не отрываясь от ноутбука, Борис нащупывает бутерброд с семгой — и тут же получает шлепок.

Гуцко Денис Николаевич родился в 1969 году в Тбилиси. Окончил геолого-географический факультет РГУ. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Новый мир» и др. Автор книг, в том числе «Русскоговорящий» (2005), «Бета-самец» (2013), «Большие и маленькие» (2017). Лауреат премии «Русский Букер» (2005).

Зверева Дарья Валерьевна родилась в 1989 году в Ростове-на-Дону. В 2011-м окончила химический факультет РГУ. Книжный блогер, главный библиотекарь Донской государственной публичной библиотеки.

Зоя: Куда! Вот, с сыром. Эти пока не трогай.

Борис (продолжая править программный код): И сколько мы его будем ждать?

Сергей хватает со стола телефон.

Андрей: Ну он же просил не дергать. Сказал, приедет, значит, приедет. Что-то у него с Ириной.

Сергей: Вечно там у них драма-драма.

Андрей: Если я правильно понял, собачка ее сдохла. Трагически. Инцидент какой-то. И он срочно ищет такую же. На подмену. Ну, я так его понял.

Борис: А нафига?

Андрей (пожимая плечами): Не стал расспрашивать. Приедет, расскажет.

Сергей: Баба она, конечно, красивая. Но Шекспира многовато.

Он откидывается на спинку кресла.

Зоя успела разлить. Заметно, что новый поворот беседы ее не радует: левая бровь изогнулась, уголки губ сползли вниз.

Зоя: Пьем?

Незаметно подсовывает Борису бутерброд с рыбой: «Держи, деточка. Но только один».

Сергей: В общем, так скажу. Природа реально спасает! Живешь, лямку тянешь, кредиты, клиенты, как джунгарик в колесе. Жениться некогда. Бросаешь все, и на природу... и отпускает.

Андрей: Главное, чтобы природа к нам сюда не вломила. Лесник сказал, медведь еще одного туриста порвал. Вроде насмерть.

Борис: А я говорил, давайте ружье попросим.

Зоя: Борюсик, солнышко, не отвлекайся. Утром добудем тебе ружье, бинокль, динамит. Жилет, как у Вассермана. А то испортишь сайт своим индусам, не отвлекайся.

Андрей: У меня, между прочим, похожая была история. С подменной. Правда, там улитки.

Сергей: Ну-ка, ну-ка. Почему мы об этом не знаем?

Андрей: История как бы не очень. Я их утопил.

Сергей: Улиток?

Андрей: Ахатин. Трех гигантских. В унитазе.

Зоя: Где ты их взял для начала?

Борис: Остановитесь.

Сергей: Мне вон кот на производстве в сменку нассал, и то я сдержался. А улитки-то что тебе сделали?

Андрей: А ты с ними имел дело? С ахатинами?

Сергей: В смысле?

Андрей: Ты их видел хотя бы?

Сергей: Ну, улитки. Что такого? В детстве они у меня тележки из спичечных коробков таскали.

Андрей: Сотрудница моя, Настя, попросила присмотреть. К матери уезжала. Я сначала старался, честно. Как раз выходные были. Трижды в день... трижды! Понимаешь ты? Моешь, вытираешь слизь. А я к Насте подкатить собирался. Так бы ни за что, конечно, не согласился. Она, когда привезла, рассказала мне, как их мыть. Встала на кухне: «Сейчас я тебе все покажу». Я, главное, только пообедал, тарелки в раковину поставил. И тут она позвонила. «Вот и мы с девочками». И прямо она над тарелками стоит, пальчиком ее моет. А эта тварина, когда втянется в домик свой, сложится так, сморщится... очень напоминает... ну...

Косится на Зою.

Зоя (схлопнув колени): Неожиданно!

Андрей: И я такой, весь на либидо, смотрю, как Настя там елозит, подставляет под струю... «Вот видишь, вот так, нежно, пальчиком». Киваю, рот до ушей. Да, да, Настя. Думаю, ничего, тарелки я выброшу, перчатки у меня всегда в запасе. Это ж не навсегда. Потом окупится.

Наполняет свою рюмку, рассматривает зачем-то на свет.

Андрей: Слизь они вырабатывают литрами, безостановочно. Дерьмо зеленым серпантинном по всему аквариуму. Это если огурцы ели. После помидоров красный серпантин. Ползут и срут, ползут и срут. Одна через другую лезет и срет. У них там в аквариуме лестница, жердочка, как у попугаев. И со всего этого стекает слизь. Вязкая такая.

Ставит рюмку, так и не выпив.

Борис: Вы можете сменить тему? Пожалуйста.

Сергей: Пиши свой сайт, не отвлекайся.

Андрей: Пока мыл и тер, всосал бутылку вискаря. Перчатки не помогают. Кажется, что слизь по всей спине. Отмоешь их, и сам в душ. Лег спать, и посреди ночи встаю с ясной мыслью, что они выползли из аквариума и уделали мне досконально всю мою новую кухню. Подорвался... нет, сидят на месте. А я понимаю, что спать больше не могу. Как-то само собой вышло, взял тряпку, протер столешницу, потом холодильник. Внутрь заглянул. Понимаю, что бред, но ничего не могу с собой поделывать, продукты начал проверять. Машинально. В каком-то коматозе уже. Выдраил всю кухню посреди ночи. На следующий день то же самое. Не выдержал, пошел гуглить, как от этой гребаной слизи избавиться. Думаю, может, амвей какой-нибудь есть специальный, аквариумный. И тут смотрю... Гугл сам мне рекламу подсунул. Я бы и не догадался. «Самые экзотические питомцы у нас. Ахатины гигантские, триста рублей штука». Я такой: сколько?! Открыл картинку, присмотрелся. Все одинаковые, как с конвейера. Ну, и... все решилось в один момент. Бочок еще шумел, а я на кровать и вырубился. Настя через неделю вернулась. Я ей домой трех ахатинов привез.

Зоя: Еще и отшпилил? Какой цинизм!

Андрей: Это было фиаско, братан... Все шло идеально. Ресторан. «Может, продолжим у меня?» И только до дела, мне мерещится ахатина. Вся такая... и усиками подергивает.

Зоя: Бедненький.

Со стороны реки — как будто под самым окном — хруст. Тишина — и снова хруст. Отчетливый, увесистый.

Борис: Срань господня! Он все-таки пришел!

Зоя: Борюсик, помолчи.

Тишина. Мягкий плеск волны на отмели. Торопливо, словно вспомнив о важном незавершенном деле, Андрей проглатывает водку, беззвучно возвращает опустевшую рюмку на место. Тишина.

Андрей: Нет. Все-таки кое с чем... и кое с кем лучше не соприкасаться. Даже не пробовать. Природа, конечно... да. Но все же пусть она...

Как будто отодвигает от себя что-то громоздкое.

Андрей: Там, в специально отведенных местах. Короче, по-любому нормальный человек такую живность у себя держать не будет.

Сергей: А фоточка ее есть?

Андрей: Что? Да ты загугли.

Олег Корионов

Круговерть

Рассказы

Кондуктор

Метель играла третий день.

Коммунальщики делали вид, что чистят дороги.

Остановки утопали в снегу.

На узкой полоске между рельсами и шоссе, где надо подбирать живот, чтоб не зацепил вагон, и попу, чтоб не сбила машина, стало совсем неудобно.

Впрочем, машины еле ползли. Трамваи ходили редко.

Город, и так не самый быстрый, сбавил обороты.

И все же жизнь не утихала.

Дверь в «Горилку» моталась туда-сюда. Не умолкали торговые ряды. Манила зеленым глазом аптека.

В половине девятого вечера на трамвайной остановке изнемогали пассажир и кондуктор.

Мелкий очкарик — под пятьдесят, в отделанном овчиной картузе и приталенном пальто — лупился на сдобную молодуху в оранжевом жилете.

Она растопырила руки. И выла, точно самолет на взлете.

Очкарик клял себя за фамильярность — увидел ягодку и подколот:

— Где трамвай забыла?

Нет чтобы пожалеть: жилет, свитер и гамаши — самое то в январскую метель.

Брякнул:

— Можно билетик?

Молодуха шарахнулась от него. Чуть не попала под машину.

Прыгнула обратно на полоску между рельсами и шоссе. Прижала сумку к груди.

И завопила:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Корионов Олег Анатольевич родился в 1960 году на Урале (г. Красновишерск). Вырос в Самаре. Окончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал на заводе, в редакциях областной, отраслевой и центральной газет, а также в коммуникационных агентствах и государственной концертной организации. Печатался в журналах «Знамя», «Урал». Живет в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2019, № 8.

Снег подкрасил ей волосы: они приобрели пегий оттенок. Лишь над левым ухом виднелось каштановое пятно.

Кондуктор впиалась взглядом в очкарика:

— Зенки выдеру!

Отбежала на край остановки. Растопырила руки и завывала.

Он понимал: надо бежать. Но боялся делать резкие движения: в таком состоянии она могла выкинуть что угодно.

«Срубит под колеса. И поминай как звали».

Сглотнул подступивший к горлу комок.

«Стоять — еще хуже».

И застыл.

Молодуха подошла ближе.

Он заметил: каштановое пятно стало пегим.

Хотел успокоить ее, извиниться за глупую шутку. Но кондуктор вновь, как шпагой, пронзила его фразой:

— Зенки выдеру!

Очкарик зажмурился: «Спаси и сохрани...»

Услышал знакомое:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Задумался: «Ну, ладно: тварь. Но при чем здесь вагон?»

Приоткрыл глаз — кондуктор вытягивала шею, пытаясь разглядеть в метельной гуще номер пазика.

После реплики «погоди, доберусь до депо» облегченно вздохнул.

«Ну конечно! Это не мне, а вагоновожатой. Очевидно, та не увидела, что кондуктор переходит из вагона в вагон, закрыла дверь и понеслась».

Разозлился: «Вот, мамзель, нагнала страху».

Подошел трамвай. Молодуха пошептала о чем-то с кондуктором и скрылась в кабине водителя.

Очкарик тем временем примостился у окошка. Убеждал себя, что весной сядет за руль.

Курам на смех: машина столько лет в гараже, а он все не решается выехать в город. Бойтся, что попадет в аварию или собьет кого-то. Решил: «Буду ездить тихо. Дай Бог справлюсь».

Когда выходил из трамвая, бросил взгляд на кабину водителя. Кондуктор была еще там.

Дома принял душ. Рано лег спать.

Проснулся в отличном настроении.

После завтрака выкурил сигарету. И вместе с пеплом вытряхнул из памяти странный эпизод с молодой.

Прошло десять лет. Очкарику было под шестьдесят. Он потерял работу. И никуда не мог устроиться: всюду брали молодых. Единственным местом, где не отказали, оказалось трамвайное депо.

Оформился кондуктором на двенадцатый трамвай, на котором много лет ездил на работу и обратно.

Как-то январским вечером он пересаживался на остановке из вагона в вагон и задержался: дорога была запружена машинами, и вышедшие пассажиры не сразу покинули полосу между рельсами и шоссе.

Вагоновожатая не заметила кондуктора — его заслонил верзила в куртке. Выхала на перекресток и повела трамвай дальше по маршруту.

Очкарик махал руками, кричал — бесполезно.

Пассажиры, усмехаясь, шли восвояси.

Вскоре он остался на остановке один.

Как и десять лет назад, играла метель. Дверь в «Горилку» моталась туда-сюда. Не умолкали торговые ряды. Манила зеленым глазом аптека.

Однако кондуктор не обращал на это внимания. Он продрог. Не знал, сколько придется здесь торчать.

С опаской глядел на стайку парней у светофора: в сумке была приличная сумма.

Он вытянул шею, пытаясь разглядеть номер пазика. Но ни черта не видел из-за метели.

Шагнул на дорогу.

Раздался визг тормозов.

Женщина — на джипе — что-то кричала ему. Он не слышал.

Она открыла окно:

— Куда прешь, шибздик?

Он, и правда, был жалок. Сутулый. С прижатой к груди сумкой. Мокрая борода свисала, как сосулька. На голове — белая шапка: презент от метели.

Он вернулся на остановку.

Протер пальцами стекла очков.

Удивился, что женщина не уезжает — ей сигналили. Она пристально глядела на него. Ехидно спросила:

— А где трамвай забыл? Рассмеялась.

И добила:

— Можно билетик?

Очкарик опешил.

«Не может быть...»

Он узнал молодуху, которую подкалывал на этом же месте десять лет назад.

Из простоватой смазливой бабенки она превратилась в ухоженную даму в самом соку.

Краем глаза кондуктор увидел, как парни переходят дорогу.

Он вовсе не хотел подыграть старой знакомой. Просто вырвалось самой собой:

— Привыкла, тварь, к одному вагону.

Дамочка подмигнула:

— И ты привыкай...

Закрыла окно и уехала.

Он растерянно проводил взглядом машину. Заметил, что парни направляются к нему. Крикнул:

— Зенки выдеру!

Растопырил руки и завыл.

Татиана Тейт Эш

Ичме сув*

I

Закат. Яйла безмолвствует. С народом
ночная стража не спешит к воротам.
Тень падает на выгоревший склон,
взбирается по осыпи, по крыше,
сгущается у каменных колонн,
и вслед за смертью подступает ближе.
Враги в долине.
Зноем обелён, сухие корни тянет черноклён
к поверженным потомкам Тохтамыша.
Последний луч покинул склоны гор.
Безводен город.
Засуха и мор.

II

Колышет ветер лунные волокна.
Прохладна влага, собранная в горсть.
Походкою невольницы голодной
Приходит ночь.
Приходит с нею гость.
Слова чуть слышно падают под окна...

— Поделом лежать останкам,
в небо — налегке.
Мирно спи в гареме ханском,
птичка-Джанике.

Скачет белый иноходец,
мнёт ковыль ночной.
Есть заваленный колодец
где-то за стеной.

Татиана Тейт Эш — поэт, редактор, фотограф. Родилась в 1979 году в Харькове. Училась в Харьковском национальном университете им. Каразина (2000) и Институте фотографии в Нью-Йорке (2015). В 2009—2015 годы представляла русскоязычную поэзию на Abu Dhabi Festival (ОАЭ). Лауреат литературных конкурсов: им. Н.С.Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (2016), «Чемпионата Балтии по русской поэзии» и «Кубка мира по русской поэзии». Живет в Крыму. В журнале «Дружба народов» печатается впервые.

*Ичме сув (крымскотатарск.) — питьевая вода.

Ход виляет — шире, уже,
двадцать два шажка.
Спи, хорошая, не слушай
песни пастушка.

III

Душа уходит в каменный разлом,
за нею ты, протискиваясь еле.
Как выманить тебя, дитя, сумели?
В намокшей рубашонке, босиком.
В груди, как будто поймана силком,
пичуга трепыхается, сбиваясь.
Но ты идёшь и кашляешь, сбываясь.
За шагом шаг. Бурдюк за бурдюком.

Погасли звёзды в кронах чёрных слив.
Зевает ворон, жажду утолив.
Очнулся город. Водоём наполнен.
Вода! — кричат, — вода!
Смеётся полдень.
Пришла беда не более беды.
Пьют люди, пьют, не сдерживая одурь.
Лежит-не дышит девочка поодаль.
А в небе тучи, полные воды...

IV

Сладки солнечные соты,
голоса тихи.
— Это выдумка, ну что ты! —
скажут старики.

Дни ушли нестройным хором
к странствиям иным.
Долго правила Кырк-Ором
Джанике-ханым.

Бродят тени, смотрят снизу,
шарят по кустам.
Сохранил Аллах гробницу
Джанике.

А там,
где некогда стрела летела метко,
сегодня туристическая мекка.
Самса и кофе, комнаты внаём.
Со всех сторон услужливые лица.
Так хочется порой уединиться,
пройтись к обрыву вечером вдвоём.
Табличками отмечен водоём,
где люди пили, не могли напиться.
Кленовый правнук вырос и пожух.
Но каждый раз, когда я прихожу,
сидит на ветке птица.

Юрий Серебрянский

Часовой мастер

Рассказ

То, что золотая цепочка порвалась, Виктор воспринял просто: данность вселенной. Иногда все цепи рвутся. У жены была привычка вменять ответственность за подаренную вещь именно тому, кто являлся автором подарка. Это оказалось даже удобно. Подаренная тестем пять лет назад подержанная «Тойота» бумерангом возвращалась к подъезду его квартиры каждый раз, когда начинала умирать от недостатка внимания хозяйки. Что-то вроде пожизненной гарантии на подаренные вещи жена распространяла на все, кроме съедобного. Но могла и позвонить: «Мам, я твоим салатом отравилась. Вчера уже не стала тебе говорить».

Виктору досталась порванная цепочка. Пятилетие, кажется, брака, отмечать решили в грузинском ресторане. Где-то на окраине города, ближайший к Тбилиси ресторан горел вечерними новогодними гирляндами, словно одинокая карусель в парке. Подруга жены любила это место. Здесь пахло дымом мангала, безудержной водкой и кипятком. Цепочку Виктор преподнес после того, как доели шашлык. Жена обрадовалась, золотая тонкая цепочка ко всему сгодится. Она назвала ее классической. И вот теперь цепочка лежала в кармане, в той же самой коробочке, цену с которой Виктор соскреб, сидя в машине. Еще в «Ладе» тогда.

Отпросившись с работы всего на полдня, можно многое успеть, если ничего не делать. Не претендующая на статус торговая галерея, проходная насквозь, от торговли в метро отличается только людьми. В метро ходят не по своей воле, точно в туалет, а в галерее зимой тепло, а летом — кондиционер. Виктора дважды толкнули в плечо и один раз кто-то дернул за руку — нужно было время, чтобы осознать, что окно ювелира-гравера закрыто и мобильный телефон, указанный в заткнутой за край стекла визитке, ничем не поможет. Было ясно, что ювелир не отошел, не вышел и не отлучился — его не было.

Виктору захотелось в туалет, и только благодаря этому он и сделал замечательное открытие: галерея имеет два этажа. Лестница почти незаметна. На втором этаже один посетитель у окошка отдельно стоящей прямо по центру коридора будки. Под лампой.

Юрий Серебрянский — прозаик, поэт. Родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получил диплом химика-эколога. Дважды лауреат «Русской премии» в жанре «Малая проза» — за повести «Destination» («ДН», 2010, № 8) и «Пражаки» («ДН», 2014, № 9). Постоянный автор «ДН». Живет в Казахстане.

Дверь в туалет с надписью «Сто тенге». Виктор сощурился и понял, что не видит надписи на стекле будки.

Виктор подошел ближе и разобрал, что там написано. Отвернулся. Возвращаясь к лестнице, думал: «ЧАСОВОЙ МАСТЕР» — это на публику. Опомнился уже на первом и даже вышел на улицу. В этой школе он когда-то учился с третьего по седьмой. Потом была травля и уход в английскую спецшколу, где язык вызывал отвращение у всех. Живого носителя английского языка он встретил в тысяча девятьсот девяностом и сильно испугался.

Туалет был на втором, вахтерша с недоверием посмотрела вслед. В туалете никого не было, жутко воняло тайным курением и мочой. Приоткрытое окно не спасало, крашенные белой глянцевой краской деревянные двери покрыты буграми. Словно лицо пятиклассника. И унитаза — дыры в полу. В английской спецшколе туалеты были точно такими же, вместо зеркал над краном меняющиеся после прихода уборщицы грубые послания и впечатления пробуждающихся умов. Будто они избавляются от ненужного багажа — оболочки кокона детской вызывающей нелепости. Из этого рождаются мужчины и мужики. Из вон школьного туалета — в вон армейского и дальше, а кому повезет увидеть рай уборной турецкого отеля — тот просветлен навсегда.

Виктор поссал.

Свежий холод утра выветрил вонь из носа, но не из памяти. Поднявшись уверенно по лестнице, он подошел к окошку часового мастера. Потолочная лампа заливала аквариум его будки тусклым светом, на который усатый человек не обращал внимания. Лампа на его столе посылала луч на растерзанные часы, прикрытые от верхнего света спиной мастера.

Виктор соображал, как построить разговор, чтобы не выглядеть совсем безнадежно.

Правый глаз мастера — увеличительное стекло в черном корпусе, что-то вроде глаза мультипликационного робота. Левый — без признаков любопытства.

— Здравствуйте, — Виктор начал так. — А вы занимаетесь ремонтом ювелирных украшений?

— Бог миловал, — ответил не сразу, оставив паузу на взгляд.

Неожиданно для себя Виктор засмеялся. Ничего не сказав, отошел от киоска, оставив мастера опять склониться над часами.

Он заметил обложку журнала «Техника — молодежи» на противоположной стене будки. Обожгло. Профиль космонавта в футуристическом шлеме совпадает с диском Луны, и космический рассвет, ползущий с правого края обложки, позволяет разглядеть и мужественное лицо, и кратеры, отбрасывающие маленькие тени. Виктор стал вспоминать содержание и вспомнил. Особенно рассказ. Но не подробности. Только ощущение. Он механически шел по направлению к лестнице на первый этаж. Оглянулся на будку — лампа на потолке все так же подмигивала; мастера, впрочем, не беспокоя, а других посетителей на всем этаже не было. Возвращаясь, Виктор уже придумал. Придумал ничего не мудрить.

— Извините еще раз. Пожалуйста.

— Да, — мастер, казалось, не узнал его. Потом узнал, но только сощуренным свободным глазом.

— Я вижу за вашей спиной. Я увидел. Эту обложку. А может быть, это у вас журнал целиком? У меня не сохранился.

— А у меня сохранился. Мастер даже не обернулся, чтобы в этом убедиться.

Константин Комаров

Чистого воздуха нерв

* * *

Переживание передвижения
мысли — сажает слова на сюжет,
но не протяжнее букв притяжения —
воля и боль на зеркальном ноже.

Длится и длится блокада балладная,
снежной латыни корявая плоть.
Крика кирка пробивает неладное
злое молчанье — до гибели вплоть.

Не доводи до воды. Зренье в иное.
Местность меняется, но не течёт.
Серых камней неразборчивым именем
мног озаглавлен сей водоотчёт.

Выцветший свет темнотою пораненный,
в блок облаков не забритая брешь,
шестьствие вещной огранки органики,
север консервный — руками не ешь.

Слишком парадны пародии местные,
звук их лимонный ломает верха.
Носят наяды наряды уместные,
но свирепеет свирель пастуха.

Нету надежд на прочтенье проточное,
червь поселился в чернилах — бог весть,
но многоточие чавкает точками...
Что будет дальше?
А дальше — бог.
Весь.

Комаров Константин Маркович — поэт, переводчик, литературный критик. Родился в 1988 году в Свердловске. Окончил Уральский федеральный университет им. Б.Н.Ельцина. Кандидат филологических наук. Автор нескольких книг стихов и сборника литературно-критических статей «Быть при тексте». Участник Форумов молодых писателей «Липки» (2010—2020), Зимней школы поэтов в Сочи и др. поэтических фестивалей. Финалист литературных премий «Дебют» (2013, 2014) и «Лицей» (2018), победитель «Филатов-феста» (2020). Живет в Екатеринбурге.

* * *

Ночь дышит, словно чайник,
спокойна и горда;
заученным звучаньем
поранена гортань.

Лоб морщит и мерещит —
кругами по воде —
мозг наведён на вещи,
но вещи все не те.

И словно провансальский
тягучий майонез,
снежок мой православный,
слетающий с небес.

Избавившись от плоти,
не трудно лечь под плеть,
сознание заболотить
и сладко заболеть.

И разобраться в сути,
как выстрелить ружьём,
когда ты отовсюду
свободой окружён.

Но отмокают листья,
почувяв свой предел,
в разломах реализма,
где я недоглядел.

* * *

Часы стоят, как будто памятник,
и перенесено вчера.
У лампы, как безумный маятник,
микшируется мошकारа.

Вдыхая воздух вино-водочный,
своей свободой обведён,
метафор марафет наводишь ты
на стих, звенящий, как бидон.

И нежность вдоха неожиданна,
когда он длит в виденье ввод.
Вот тропка — белой нитью шитая —
в крестовый текстовый поход.

И звуков строй идёт солдатами,
и рушится у алтаря.
Теперь останься соглядатаем
божественного словаря.

Покуда смерть крошится чипсами,
ты пей за жизнь, творя пейзаж.
И в белизне огнями чистыми
горит гранитный карандаш.

* * *

Ветер строгаёт огонь,
но не сгорает в огне.
Вербу вербует нагой
чистого воздуха нерв.

Ни на полтона нет лжи
в мокрых полотнах весны.
Месяц на лес наложил
шину тугой тишины.

Голос растёт, как колосс,
слога ветвиста клюка.
Мимо газетных полос
клюква цветёт языка.

Кабелю здесь не залечь,
бдительна мха колыбель,
пчёлы, вспорхнувшие с плеч,
звука колеблют постель.

Мётлы ментальные зло
тут на душе не метут.
Рыбы рубиновой взлёт,
донного ила батут.

Я бы сорвался с нуля
и бесконечно спал на
почве, где пели поля.
И отоспался сполна.

* * *

Смотрю подлёдную луну,
во тьме растаяли растенья,
но по рисунку не рискну
предсказывать стихотворенья.

Пусть в зеркале я как влитой,
но пусто в книжке телефонной,
звенит, как овод над водой,
просторный небосвод тефлонный.

Такая рысистая высь,
небезопасная для вдоха.
Я б закричал — остановись!
Но и на плахе мне неплохо.

Мой голос списан, я спасён,
и в этой тишине неловкой
я умолкаю обо всём,
что не кончается верёвкой.

Среди придурочной возни
я — придорожный столб на тракте,
слюной железной желтизны
мой сложный харкает характер.

И день мой, серый, как асбест,
сменяет ночь — рабыней, рыбой,
и открывается абсент
под чтение «А вы могли бы?».

* * *

Воздух разреженный и разрешённый,
лей мне свой укус на свежий укус.
Я на конечной ночной обожжённый
светом фонарным — уже не боюсь

копоти, похоти, зла и позора —
(те, кто вспотели — в постели уже),
и не забор, только образ забора
им на рассвете встаёт в неглиже.

Равно бесплотен мне запах акаций,
как и бесплатный полиэтилен,
как и рельефы рефренных локаций,
коих не знает метрополитен.

Только наматывать матову стойкость,
вялую волю на колкую речь
мне остаётся. И всё же — постой, Кость,
горечи всё же своей не перечь...

Ырысбек Дабей

Обнимаю дороги

С казахского. Перевод Константина Комарова

Мелодия памяти

Мелодией, едва лишь слышной,
тебя, замороженный, ждал.
Туман на небе. Время вышло.
Я плачу каплями дождя.

Я много лет не слышал скрипки.
Дряхлеет память. Не сказать
о звуках тех. Лишь воздух зыбкий
пробит ветвями. И опять

Ырысбек Дабей — казахский поэт и писатель. Родился в 1979 году в Китае. Переехал в Казахстан в 2001 году. Автор сборника стихов «Гам, где росы прозрачны» («Шык тунган жолдар»), книги эссе «Истории из уст наших отцов» («Экелеріміз айтатын әнгіме», 2015), романа «Лето, когда расстреляли лошадей» («Жылкы атылган жаз», 2018) и др. Лауреат международной литературной премии «Рух». В журнале «Дружба народов» печатается впервые. Живет в г. Нур-Султан.

встаю на давний путь забытый.
Дом старый. Вид. Туман густой.
Я тайную открыл обитель
в созвучьях скрипочки простой.
Себя нечаянно увидел
и следую за красотой.

Чайхана осенним днём

Сквозь окна чайханы мне улица видней
и редких листьев медленный полёт.
Сточилось время в заплети ветвей,
теней цепочка вверх и вниз идёт.
Уединившись в чайхане моей,
спускаюсь я в воспоминаний грот.

Пиала в пальцах знающих твоих.
И музыка — в ней тишина и крик.
И чай дрожит — нетороплив и тих —
во рту моём, напоминая стих

давным-давно написанный. И мглист
осенний вечер. И момент поблэк
неповторимый. Только тонкий лист
в зрачках трепещет, словно мотылёк.

Бродящий свет

Моей тоске поверил тленный мир
и богу рассказал о ней дождём.
Среди развалин, где бесовский пир,
ищу целебный свет, но — сумрак в нём.

Ночь пожрала разбитые лучи
и щерится, как серый сутенёр.
И гибну безвозвратно я в ночи.
И гнойный свет следит за мной из штор.

Весна за окном

Я проснулся сегодня. Я спал будто тысячу лет.
И с торжественной тяжестью вижу весну за окном.
Слышу дрожь её. И расстояния нет
между нами, лишь стенка, что держит мой дом.
О, величье свободы!
Симфонической вечности гром!

Только хрупкость стекла, что бестрепетной смерти прочней,
ощущаю и космосом цельным дышу.
Мир цветами расцвёл. Всё доступно сегодня моей
интуиции, вслед за которой пишу.
Обнимаю дороги
и в зелень листвы ухожу...

Олег Рябов

Укус лесной осы

Рассказ

Лёнькин папка — большой выдумщик или придумщик — не знаю, как лучше и точнее сказать. Каждый год он новый способ летнего отдыха придумывает: то с компанией, то индивидуально. Вот прошлым летом на надувных плотках по Ветлуге сплавлялись целым отрядом в десять человек, а этим — вдвоем — Лёнька с папкой — в палатке на берегу поехали пожить. И не просто палатка, а и лодка с мотором у них есть — значит, каждый день на новое место можно перебираться, куда понравится.

Лёньке четырнадцать лет, он уже взрослый, паспорт только что получил, но с папкой пока еще дружит — с Алексеем Егоровичем.

Везде у Алексея Егоровича друзья да знакомые, которых что ни попросишь, они готовы прямо всё бросить и сделать, потому что он умеет дружить или он умеет просить как-то по-особенному то, что никому не жалко. Так и в этот раз — позвонил он своему старому институтскому товарищу, договорился о лодке с мотором, и вот: они с Лёнькой едут в какую-то богом забытую деревню на берегу Ветлуги, где у того товарища и дом свой стоит, и лодка с подвесным японским мотором, а ключ от дома уже в кармане — открывай и живи.

Но и в деревне той у папки сплошные знакомые: какой-то старухе лекарства нужные и обещанные он передал, а другой соседке, тете Лизе — коробку конфет, а соседу, дяде Коле, который папку тоже хорошо знает, бутылку коньяку и две тысячи рублей за бензин, что в канистрах припасен для них. И сразу же, не заходя в дом, они с дядей Колей этим поехали на другой конец деревни, чтобы матери дяди Колиной сообщить, что папка договорился с врачами из областной больницы, и ее в любой день положат на обследование.

Складно все и всегда у Лёнькиного папки получается: продуктами он еще в городе затарился, прикормку рыбную и червей в магазине «Рыбак» купил, снасти рыболовные, палатку и спальники здесь, в доме у институтского товарища, с его же разрешения позаимствовали; лодку дюралевую, «казанку», дядя Коля на воду уже спустил. Правда, все равно без проблем не обошлось: долго котелок не могли найти, а у саперной лопатки ручка оказалась сломана, пришлось у обычной штыковой обрезать — без лопаты в поход не пойдешь. Проверили, как мотор перезимовал: на козлах укрепили,

---

Рябов Олег Алексеевич родился в 1948 году в Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Печатался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Нева» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2018, № 3.

винт с забором для помпы в бочку с водой засунули и завели — заурчал, значит все в порядке. Мотор японский «Ямаха» пятнадцатисильный. Но это как считать — они там, в Японии, мощность снимают на винте, а наши на валу, и в редукторе теряется процентов тридцать. Так что ихние пятнадцать лошадиных сил — это почти как наши двадцать.

Вечером чаевничали у соседа дяди Коли. Вот тогда-то он и предупредил Лёнькиного папку:

— Егорыч, что-то мне говорит, что не очень удачно вы на завтра наметили отдых свой. Кажется мне, что с погодой завтра-послезавтра проблемы будут — и голова у меня как чужая, как котел гудит, и колени скрипят прямо. Так перед сменой погоды бывает. А матушку я свою прямо завтра в больницу повезу — чего ждать, если направление на руках? Так что, если что, — к Лизе-соседке идите с любыми вопросами: она приветит, и мальчишка у нее, Сашка, Лёнькин ровесник, и дочка Аня не дура, хотя и в девках еще сидит, и корова есть. Муж у Лизы на заработки уехал — с мужиками в Подмоскovie какому-то генералу баню ставить, а сама она баба справная и самостоятельная, хозяйственная.

С утра — солнышко, только легкий ветерок потягивает. Тети Лизы Сашка кринку молока да десяток яиц притаранил. Мальчишки с интересом посмотрели друг на друга.

А потом Лёнька с папкой яичницу съели, молоко выпили и — вперед.

Прошли на моторе вверх по речке километров с пять всего, когда вдруг разглядели расчудесную золотую песчаную площадку прямо под обрывистым берегом с дырками ласточкиными. Решили ставить палатку.

Спланировали площадку лопатой, выложили на песке подушку из веток ивовых под дно палатки, чтоб сырости не было, натянули. Лёнька и ступеньки еще в склоне откопал, чтобы и в лес, и в луга легче было ходить. Стол раскладной дюралевый с пластмассовой столешницей поставили, лавку из бревен соорудили, рогульки с перекладиной для котелка Лёнька топором вырубил и сушняка для костра натаскал гору целую.

Пока папка подпуска да все снасти свои рыбацкие разбирает, Лёнька на крутояр залез, чтобы в луга сходить — проверить, что тут есть интересного. Лес сосновый, вековой — настоящий бор — чуть повыше на бугре начинается, сам по себе уже интересен: что-то в нем в любое время года гудит и поскрипывает.

У ягод в это время года небольшой пересменок: черника и земляника прошли, а брусника с клюквой еще не подоспели. Хотя лесной малины еще можно набрать и листьев смородиновых нарвать, чтобы чай ароматный заварить. Лёнька для усиления вкуса чая походного и корень шиповника выкопал, очистил его ножиком и расквасил обухом топора, чтобы завариться в котелке ему легче было.

Пообедали макаронами с тушенкой. А когда поехали ставить подпуска, всё и началось. Пошел дождик: сначала мелкий, как разведка, потом — ливень теплый, летний, плотный, и солнышко пока еще проглядывало в какую-то щель меж облаками, но быстро он перешел в затажной, сеющий и уже холодный. И все небо сразу затянуло одной сплошной тучей, и стало понятно, что это надолго.

Ветер дул порывами, и хотя палатку поставили удачно и порывы те ее не беспокоили, но костер срочно был перенесен под нависающий обрыв берегового склона, куда дождь не заливал.

— Леонид, — с некоторых пор Алексей Егорович стал обращаться к сыну только так, по-взрослому. — Если нам вместо палатки всю ночь придется просидеть тут, у костра, — не страшно, даже, может, романтично. Но вот что надо сделать для нашего уюта, так это набрать побольше хвороста, пока не стемнело совсем. Притом надо

Ирина Василькова

Паррезия, или Крипты речи

Долгожданная книга стихов Натальи Лясковской «Евангельская соль» (М.: «У Никитских ворот», 2020) выпущена столь малым тиражом, что остается только удивляться причудливым предпочтениям нашего времени. Другьям раздарить — и то не хватит. А поэт Лясковская — редкий.

Сверхплотность — главное свойство поэтического языка автора. Почему я начинаю не со смысла, а с языка? Потому что он затягивает еще до смысла. Язык у Лясковской абсолютно свой. Она никому не подражает, ее просодия легко и естественно вырастает из народной почвы.

Как забыть первое впечатление от стихов двадцатилетней Наташи, услышанных в Литинституте на винокуровском семинаре — помимо яркого метафоризма в них срабатывал *звук!* В тот же день я, взволнованная, помчалась в больницу навещать друга, к сожалению, рано от нас ушедшего, лучшего знатока и ценителя поэзии в нашем семинаре, взахлеб рассказывала ему о Наташе, читала наизусть ее стихи, которые зачаровали настолько, что запомнились сразу же, вместе с голосом.

«Евангельская соль» построена как единый массив из ста с лишним стихотворений, композиционно не разделенный на части, и это тоже авторский прием. Читателю придется изрядно потрудиться над этой «этнографической глиной», требующей соучастия и сотворчества. И читатель тут требуется особый: получающий особое удовольствие от сложно устроенного текста — любители легкого чтения могут быть свободны. В чем же сложность?

Стихи Лясковской удивительно многомерны, в них работают связи между всеми уровнями текста, их трудно цитировать. Лексический диапазон Лясковской невероятно широк и удивительно пестр — от латинских высказываний до грубого уличного сленга. Здесь перемешаны церковные слова и славянизмы, молодежный и айтишный жаргон, суржик и неологизмы, филологические и ботанические термины, фольклорные обороты, идиомы, мифологические имена... Строгий ценитель, отформатированный классикой, может счесть, что такая эклектика не на пользу стилю, но крутой речевой микс характерен для наших современников, где бы они ни жили. Другое дело, что сограждане в большинстве своем стихов не пишут.

Василькова Ирина Васильевна — поэт, прозаик, эссеист. Родилась в подмосковных Люберцах. Окончила Геологический ф-т МГУ, Литературный институт им. Горького (семинар Евгения Винокурова) и ф-т психологии Университета Российской Академии Образования. Преподает в школе, руководит детской литературной студией «19 Октября». Автор пяти сборников стихов, в том числе «Южак» (М., 2016) и трех книг прозы, последняя — «Ксенолит и другие повести» (СПб., 2015). Живет в Москве.

Важно отметить, что поэт работает в рамках чистой силлабо-тоники. Ритм и рифмы Лясковской — не просто демонстрация виртуозного версификаторства, а важнейший инструментарий ее поэтического мира. Разговорные, нередко фольклорные интонации, наложенные на ритмическую основу, так и склоняют произносить эти стихи речитативом, тем более, что этому способствует «фирменная» длинная строка, прошитая внутренними рифмами. Лясковская мастерски это делает.

Об этом замечательно написал Сергей Аверинцев в статье «Ритм как теодицея» («Новый мир», № 2, 2001): «“содержание” — это каждый раз человеческая жизнь, а “форма” — напоминание обо “всём”, об “универсуме”, о “Божьем мире”; “содержание” — это человеческий голос, а “форма” — все время наличный органнй фон для этого голоса, “музыка сфер”. <...> Человеческому голосу, говорящему свое, страстное, недоброе, нестройное, отвечает что-то вроде хора сил небесных — через строфику, через отрешенную стройность ритма».

Само название книги «Евангельская соль» и эпиграф к ней из Евангелия от Марка говорят о том, что мы имеем дело с духовной поэзией, той, в которой — по определению Ирины Роднянской — есть «встреча с духовной реальностью Присутствия».

В статье «Новое свидетельство» («Новый мир», № 3—4, 2011) Роднянская отмечает: «...современные стихи вписываются в <...> традиционные “форматы” лишь отчасти, находясь даже в некоем контрасте с ними. Они желают иметь дело не с постулатами религиозного предания, а с проблематичностью веры, даже когда ее Источник уже обнаружился в личном опыте». И там же: «В о л ь н о е о б р а щ е н и е с о с в я щ е н н о й п и с ь м е н н о с т ь ю — замысловатая и порой ошеломляющая черта духовного неobarocko. Переложения псалмов, поэтический пересказ преданий и житий, стихи на темы уставных праздников — все это в изобилии бывало раньше. Но обыкновенно оно было как бы созерцанием, любованием извне, с расхождением, исключающего риск; нынче же — вторжение в мир традиции в качестве непрощенного участника или дерзкого экзегета, пролом сквозь всё те же стены и перегородки».

Уже первое стихотворение — всегда заманка — увлекает читателя в чужую поэтическую вселенную. Предлагает ключ, но захочется ли идти дальше? Первое впечатление — безумный речевой вихрь, одно название чего стоит: «нотация почти по Гельмгольцу». Нотация — это музыкальный термин, способ записи музыки посредством графем. Выглядело бы серьезным, если бы не слово «почти». Затем следует эпиграф из песни группы «Scorpions»: «*Let your balalaika sing...*» и так далее. Сквозь серьезность просвечивает игровое лукавство автора: «я вам шаз тут сыграю!» Это самоопределение, самопрезентация — она «пева». Та, которая поёт и о которой по Москве ходит «лоскутная молва», отражая бинарные ипостаси лирической героини — то «жар-девица», то побирушка-нищенка. Но какова поэтическая хватка! Бойкий хорей с терцетами на одну рифму похож на народную шуточную песенку. Переход от первой строки с цезурой к двум бесцезурным создает постоянное ускорение. Строки мчатся на одном дыхании, лирический напор — по самое не могу. Какое празднество красок и звуков! Будто малявинский «Вихрь» — сгусток женской энергии, жар почти запредельного масштаба.

чуть стихом заговорит — логос сам себя творит
 акробаты акрофуты кто вертится кто парит
 а вокабулы на каблах киммерийский шкварят бит
 .....
 ямб да троп парчой горят как игрушки у царят
 сёстры семы и лексемы карагодят рядом в ряд

Ничего себе «забавляются игрой!» Здесь сам праязык в предельном значении. Балаган на площади все громче, звук все круче, выше, там и птица Рух в апофеозе —

Александра Дерюгина

Приморский дневник

Характер красоты

Я — иностранка. *Do you speak English? — Yes, I do.* С нижегородским акцентом. Но не в этом дело. Я — урождённая «девушка из Подмосковья» — чувствую себя упавшей с Луны, с Британских островов, из пустыни Сахара (откуда там еще?) абсолютной иностранкой на дальней окраине России. На очень дальней. Дальше для русских — ничего. Только Японское море, перенаселенный Китай или корейские товарищи... Но в Корею мы не поедem.

Русские с дальней окраины России очень любят Суньку и Чуньку. Это такие китайские города, которые на самом деле Суйфыньхе и Хуньчунь.

Куда ходит народ в Центральной России, чтобы приодеться? Кто побогаче — в бутик. А кто попроще — на рынок за турецкими шмотками. И это нам, центральным россиянам, знакомо и понятно. Люди с дальней восточной окраины с той же целью едут за границу, а именно — в Суньку. Там огромный рынок. Цены — смешные. Юань и рубль — лучшие друзья навеки в пользу рубля. «Пойдем, подлуга, посмотрим», — зазывают валяжные китаянки-продавщицы, прилипчиво и нагло вцепляясь в рукав потенциальной жертвы.

А куда мы, граждане Центральной России, ходим лечиться? Естественно, в поликлинику по месту жительства. Граждане с восточной окраины для того, чтобы поправить здоровье, опять же едут за границу, но на этот раз в Чуньку. Там нет назойливых продавцов и рыночной толкотни. Там тихо, прилично, вежливо и недорого. Полное обследование, иглокальвание из первых, китайских, рук, массаж, все прелести восточной медицины почти даром — да здравствует выгодный союз рубля и юаня.

Если есть средства на санаторий подороже, можно поехать в Далянь. Там воздух чист, и тихий звон слышится под хрустальным небом — да-лянь!

Каждый, кто посетит столицу Приморья в теплый яркий день, скажет — курорт! Море, солнце, ветер, парус...

И будет прав — на три месяца в году.

Зимой здесь неуютно. Холодно — не то слово. Градусник за окном показывает минус двадцать. С усилием открываешь дверь подъезда, борясь с буйным шквалом внешнего мира, и вываливаешься в белый свет. Там вой и свист и минус сорок пять с учетом скорости ветра. Если ваш вес меньше шестидесяти килограммов, лучше прицепить на спину тяжелый рюкзак — чтобы не унесло.

На открытой стоянке дрогнут друзья человека — японские автомобили. Других здесь просто нет. «Сенсация! — передали однажды в сводке местной программы "Автопатруль". — Во Владивостоке! Столкнулись два отечественных автомобиля!»

Местные жители презирают отечественный автопром и никогда его не любят, потому что отечественный автопром опасен для жизни в здешних нелегких условиях. Он плохо ездит по обледенелым горам и быстро разваливается.

«Японцы», как правило, заводятся в любой мороз, если хозяин побеспокоился об аккумуляторе и свечах заранее. Но коварный российский бензин, главный козырь в защиту отечественного автопрома, может сбить с ног даже надежного японского коня.

О, горе, мое транспортное средство глухо молчит в ответ на страстный призыв зажигания! На три корпуса далее мучается ещё одна бедолага возле серой хонды. Ей помогает мини вэн, пытаюсь «прикурить» замёрзший аккумулятор — а вдруг получится? Не получается.

— Давай, мой аккумулятор поставим, — предлагает мини вэн хозяйке хонды.

— Давай, может, ему понравится.

— У вас что, «мальчик»? — вмешиваюсь я.

— Мальчик, — отзывается владелица авто и добавляет певуче-ласково, — Тимо-оша!

Я приглядываюсь к приземистой хондес добродушной простецкой физиономией — точно, мальчик!

— А у меня девочка, — как бы между прочим роняю я, — хоть и большая.

Видавший виды белый прадик упорно молчит на моё замечание.

То что это девочка, я поняла с первых дней знакомства. Сменив хозяина, машина вела себя, как обиженная женщина, — целый месяц отказывалась заводиться и тоскливо истерично выла. Замолчала только после того, как к ней нашли особый подход.

«Тимошу» завели наконец, и он обрадованно помчался за новым аккумулятором. Наша девочка поломалась ещё пару дней, выпросила новый «пятак» для стартера и тоже завелась.

В конце лета во Владике жарко. Все едут на Шамору или на Тавайзу, или на Чайку, или в Славянку, или в Ливадию, — короче, на море. Здесь не Крым, но есть своя Ливадия. Наверное, крымчане, приехавшие когда-то по зову сердца и за длинным рублём на Дальний Восток, увидели накат прозрачной волны на пляж в кайме зелёных гор и вздохнули блаженно — Лива-адия!

И все же это не Крым. И не Москва.

Когда в Москве лето, здесь, на побережье Японского моря, глубокая осень. Постоянно морозящая пасмурная плюс девять градусов тепла погода — стандартный Владивостокский июнь-июль. Таким образом, у местных детишек половина летних каникул приходится на осеннюю неприглядность. Попросили Москву однажды сдвинуть здешние каникулы, подарить школьникам тёплый сентябрь вместо холодного июня. Напрасно. Если в Москве лето в июне, значит, везде то же самое. Ведь страна кончается за пределами Садового кольца.

А еще здесь водятся тигры, или амбы, как их часто величают. Зимой они заходят в деревни, и тогда местным собакам полная «амба» — съедят. (Хищники помельче, дикие приморские коты, промышляют курами.) Тигры чувствуют себя хорошо. Их защищает Красная Книга. Поэтому любой амба может по-хозяйски выйти на трассу и остановить движение под восторженные возгласы задраивших люки водителей: «Смотри, кошка! Типа — полосатая!»

Суровый край. Но за женьшенем не обязательно ходить в аптеку. Можно сразу в тайгу.

К женьшеню в тайге в изобилии прилагается энцефалитный клещ. Опасное насекомое водится также и в городе.

— Помню, мальчик у нас был во дворе, — задумчиво рассказывает коллега по работе. — Клещ его укусил. На голове вот такая шишка раздулась, и через два, кажется, месяца помер мальчишечка в жутких судорогах.

Коллега непроизвольно дотрагивается до причёски и заключает категорически:
— Я в тайгу ни ногой!

Я тоже мысленно торжественно клянусь обходить стороной лесные насаждения. Но весной, при первом тепле, раньше, чем даже взойдет трава, лесные храмы покрываются ослепительными подснежниками и ярким золотом первоцветов. Вся земля, сколько видит глаз, белая и золотая. От сказочной красоты небесные колокола звенят в душе. И поневоле забираешься в чащу, куда можно проехать по разбитой дороге, и выходишь под зелёные своды, и спускаешься к чистым таежным речкам, в первобытную тишину, в первоздание мира, забыв о насекомой смерти, оседлавшей кусты и травы.

В Приморье всё так — экстремально, красиво и опасно.

Море летом прогревается в заливах до температуры Черноморского побережья. Ласковые воды и песчаные пляжи манят: «Приди, окунись, освежись!»

Но не только людей привлекает теплая водица. Сюда же приходит размножаться крошечная медузка — крестовик. Размером медузка с рублевую монетку, но вредности в ней на миллион. Если ошпарит, спасайся в больницу, под капельницу.

В августе по местному телевидению передают предупреждения: «Внимание! Опасность! Жертвы на всех пляжах. Больше всего на Тавайзе — там сорок три укушенных».

— Моего мужа однажды укусил крестовик, — рассказывает все та же коллега.

— И что? — спрашиваю я, затаив дыхание.

— Температура подскочила под сорок, и несколько раз сознание терял, пока до больницы доехали.

— Больше не купается?

— Еще как купается!

В августе все во Владивостоке еще как купаются. Вопреки предупреждениям, вопреки сорока трем укушенным на Тавайзе.

Дети вопят от боли. Взрослые теряют сознание. Но все упорно лезут в воду, потому как местные жары, аналогичные сочинским в разгар курортного сезона, иначе вынести невозможно.

Удивительные, прекрасные, грозные места.

Летом клещ и крестовик. Тропические ливни, в которых можно утонуть вместе с машиной в самом центре города.

Зимой лед. Снежные грозы в декабре-январе. С ослепительными вспышками молний, многократно усиленными ливневым снегом. Ледяные дожди.

«Владивосток закован в ледяной панцирь», — предупреждает все то же заботливое местное телевидение в начале зимы. — Аэропорт закрыт из-за обледенения полосы».

Ледяной панцирь останется в городе до весны, пока солнце не удалит его естественным образом. А пока надо учиться ходить по льду по пересеченной местности и не падать. Машины, увы, не скалолазы. Даже всеильные тойоты несет по ледяным спускам. «Сегодня в одной улице столкнулось четырнадцать автомобилей, а в другой — шестнадцать», — меланхолично сообщает «Автопатруль» в конце дня.

Меня это удивляет. Беспokoит. Тревожит. Потому что я — все еще иностранка в здешних местах.

Удивляет, как местные девочки, нежные, красивые и упертые, водят свои крошечные автомобильчики всю зиму по горам, по голому льду и снегу, пользуясь единственным преимуществом — 4 WD.

— Два раза на дороге крутило, пока доехала, — рассказывает будничным голосом обладательница розового праворульного «мини».

— А на горки как? — допытываюсь я. — Неужели въезжаешь?

— Въезжаю, — говорит она невозмутимо. — Только машину куда-то всё время несёт. То в одну сторону, то в другую.

Елена Ленишева

Голоса живых

Пунктирный обзор современной белорусской литературы

Литература — взгляд сквозь толщу «-измов», политических и идеологических.

Литература — метапозиция, «видение-отражение» человека и мира, вопреки топовым идеям и смыслам.

Литература — это всегда нечто большее, чем сиюминутное фото.

Фиксируя остросоциальный момент, она вносит его в альбом вечности (национальной истории, мировой культуры) как память о своем поколении, свидетельство о том, что мы — жили.

Можно по-разному относиться к лозунгу «Жыве Беларусь!», сопровождающему политические протесты в Минске и других крупных городах в течение полугода, но невозможно не заметить, что он отражает подъем национального самосознания. Подъем этот массовый, хотя долгое время считалось, что белорусская идея — прерогатива «свядомай» (т.е. сознательно ориентированной на национально-культурные ценности) интеллигенции.

И это абсолютно справедливо. Как пишет известный культуролог Юлия Чернявская, в Беларуси исторически сложилась ситуация, неведомая ни русской, ни польской культуре: «Пути народных масс и шляхетской интеллигенции настолько разошлись, что можно без преувеличения говорить не только о разных типах самоидентификации, но даже и о разных типах менталитета — полонизированного шляхетского и белорусского “крестьянского”»¹. Отсюда — стратификация культуры: остов аутентичного, национального бытия (традиции, фольклор и что особенно важно — белорусский язык, официально получивший легитимный статус только в 1991 году) на протяжении столетий сохранялся в «низах» социума — «сялян» и «шляхты засцянкавай», в среде которой и возникли первые произведения на «местном наречии»², тогда как идея национально-культурного возрождения была выдвинута

Елена Ленишева — литературный и театральный критик, литературовед. Родилась в 1983 году в Минске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филфака БГУ. Живет в Минске.

¹ Чернявская Ю. Пять парадоксов национального самосознания белорусов // ИНДЕКС: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>.

² «Шляхта засцянкава» (пол. *szlachta zaściankowa*, околичная шляхта) — дословно непере译имый на русский язык феномен, особая категория шляхтичей, которые исконно жили в обособленных поселениях Речи Посполитой, а после ее присоединения к Российской империи и указа Николая I о необходимости подтвердить свое происхождение документально (невыполнимого в силу отсутствия в Речи Посполитой подобного делопроизводства) были почти полностью исключены из дворян и переведены в сословие крестьян-однодворцев. При этом выходцы из этого сословия Ян Чечет, В.Сырокомля, В.Дунин-Марцинкевич и другие писатели первой половины XIX века не называли язык своих произведений белорусским, но идентифицировали его как язык своего этноса, отличный, например, от польского, русского.

представителями «верха» — носителями зарубежной (прежде всего польской) культуры. Более того, она противоречила белорусской национальной ментальности, в основе которой — прагматизм, «хозяйственная ответственность за жизнь будущих поколений на родной земле» (А.Рагуля).

Исходя от этого, становится понятен пафос современной белорусской литературы, нацеленной на социокультурные (неотделимые от политических) преобразования, на сохранение связи с национальными истоками, идущими вразрез с идеологически ангажированным мифом о «Белоруссии советской» с ее космополитизмом, педализацией вертикали власти, винтажной советизацией быта, массмедиа, официальной культуры. В этом смысле обращение писателей к белорусскому языку становится не столько творческим, сколько идейно-философским выбором, попыткой сопротивления государственной машине.

Облик отечественной литературы во многом и определяет столкновение с левиафаном, «внешним» и «внутренним». Левиафан «внешний» — это попытка минкульты адаптировать литературу к задачам госидеологии, нашедшая отражение в произведениях исторической и патриотической тематики, активно создававшихся в обмен на субсидии, высокие тиражи, поддержку кинопроектов, спектаклей. После выборов-2020, реакцией на которые стало в том числе и культпротестное движение, кардинально изменились формы «адаптации», обретшей черты репрессий, которым подвергаются представители негосударственных СМИ, деятели культуры, науки и искусства.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить российских коллег, проявивших солидарность в связи с упомянутыми событиями. Так, в августе 2020 года Владимир Коркунов организовал поэтический марафон #поэтыбеларуси на портале «Полутона» (<https://www.facebook.com/groups/polutona/>), по итогам которого готовится антология; Анна Голубкова и Татьяна Бонч-Осмоловская провели онлайн-акцию «Белорусские чтения» после ареста Дмитрия Строщева (см. запись на YouTube: <https://www.youtube.com/watch?v=LIOVm1jw7Zk>). Площадками для обсуждения белорусской литературы становятся ведущие российские журналы и интернет-порталы, в числе которых «Дружба народов», ГодЛитературы, Textura, «Цирк Олимп + TV» etc.

В то же время нельзя не упомянуть о левиафане «внутреннем» — имманентных законах развития литературы, возникшей в условиях «пограничья» (геополитического, конфессионального, культурного). Положение на перекрестке влияний России и Западной Европы предопределило облик белорусской литературы, ее «внутреннюю» драму и непростую судьбу, о чем много писали историки (В.Орлов), философы (В.Акудович, И.Бобков, А.Антипенко), культурологи (Ю.Чернявская, И.Дубенецкая), литературоведы (Л.Синькова, Ж.Некрашевич-Короткая, У.Верина).

Ситуация «пограничья» накладывает отпечаток и на развитие современной белорусской литературы. В постсоветские годы в Беларуси существует официальное, но не фактическое двуязычие (большинство населения говорит по-русски), что приводит к «неустойчивости литературного поля» (Л.Синькова), конфликту писательских поколений, ориентированных, как правило, на разные традиции.

Но именно с начала 1990-х в белорусской литературе происходит креативный взрыв, который философ, культуролог Валентин Акудович и литературовед Анна Кислицына называют «новой литературной ситуацией». Она связана с ростом национального самосознания, возникновением литературно-художественных объединений «Здешние» («Тутэйшыя»), «Товарищество Свободных Литераторов» («Таварыства Вольных Літаратараў»), «Бум-Бам-Літ», «деиерархизацией, деканонизацией, деверсификацией, жанровым синкретизмом, а также прогрессивной динамикой стилового разнообразия в литературе»¹.

¹ Кісліцына Г.М. Новая літаратурная сітуацыя: змена літаратурнай парадыгмы: дыс. д-ра філал. навук. — Мінск, 2015. См. лекции ученого на сайте Белорусского Коллегиума: <https://belcollegium.by/ganna-kislicyna-novaya-litaraturnaya-situacyya-lekcyi-4-6/>.

Очевидны два сегмента литературы — белорусско- и русскоязычный. Для меня, как и для многих исследователей драматургии (С.Гончарова-Грабовская), поэзии (Т.Алешка, У.Верина), прозы (И.Скоропанова, Л.Синькова, Е.Крикливец), это части единого литературного процесса.

Это не значит, что между ними нет различий. Напротив, ориентиры на разные литературные традиции (классическую отечественную начала XX века и западноевропейскую, с одной стороны, и на русскую, с другой), по-разному выраженный национально-культурный компонент, не говоря уже о выборе языка, важны для понимания специфики авторских индивидуальностей.

Семь авторов, приведенных в обзоре, — это семь направлений творческих поисков, знаковых для современной белорусской литературы. Выбор был сложен, поскольку орбита литературной жизни вбирает в себя все новые и новые имена, каждое из которых раскрывает определенную грань в понимании мира и человека.

И все же существует единство: острая постановка проблемы «человек и тоталитарный социум», нац-арт, приоритет реализма и модернизма в самых неожиданных сочетаниях и модификациях. Их аккумулирует поиск устойчивости и «внутренней» свободы в мире искаженном и перевернутом, с его запретами на спонтанное, нелегитимное творческое самоизъявление, в том числе национальное.

Алесь Рязанов

Белорусский поэт, писатель, переводчик, известный смелыми экспериментами в области поэтических форм. Родился в 1947 году в деревне Селец (Брестская область Беларуси). Впервые выступил в печати в 1961-м. На волне студенческих волнений в связи с событиями Пражской весны 1968-го вместе с несколькими сотнями учащихся филфака БГУ подписал открытое письмо в защиту белорусского языка, после чего был взят на контроль КГБ, а впоследствии исключен из университета.

Творчество Алесья Рязанова красноречиво иллюстрирует неожиданный для зарубежного читателя тезис: белорусская литература вышла за рамки крестьянско-патриотической тематики и реалистической парадигмы (традиционно ей приписываемых) задолго до 1990-х с их эпатажем и эстетическим плюрализмом. Более того, по мнению ряда исследователей (А.Кабаковича, М.Тычины, А.Кислицыной, Е.Леоновой, У.Вериной, А.Ивашенко и др.), благодаря Алесью Рязанову она достигла европейского уровня.

На сегодняшний день издано около трех десятков его книг, в их числе «Возрождение» («Адраджэнне», 1970), «Навсегда» («Назаўжды», 1974), «Путь-360» («Шлях-360», 1981), «Остриё стрелы» («Вастрёе стралы», 1988), «В городе правит Рогволод» («У горадзе валадарыць Рагвалод», 1992), «Охота в райской долине» («Паляванне ў райскай даліне», 1998), «Действительность» («Рэчаіснасць», 1998), «Танец с ужами» («Танец з вужакамі», 1999), «Глина. Камень. Железо» («Гліна. Камень. Жалеза», 2000), «Вершасловы» («Wortdichte», написана на немецком, 2003), «Пчела начала паломничать: вершаказы» («Пчала пачала паломнічаць: вершаказы», 2009), «И потом заново начать: квантэмы, злёсы, стихи» («І потым нанова пачаць: квантэмы, злёсы, вершы», 2011), «Стихи» («Вершы», 2014). Стихи Алесья Рязанова переведены более чем на 50 языков мира. В свою очередь Рязанов переводит с литовского, латышского, грузинского, болгарского, английского и других языков.

Его непрекращающиеся творческие поиски уже не одно десятилетие вызывают активную полемику, провоцируют резкие перепады амплитуды восприятия: от восхищения до жесткого неприятия. Авторскую стратегию отличают интеллектуальная насыщенность, философичность, обращение к метареальности с ее «непрерывностью «внутренних» переходов и взаимопревращений»¹, «противопоставление двух

¹ Кісліцына Г. Алесь Рязанав: праблемы мастацкай свядомасці. — Мінск, 1997. — С. 10.

Погоня за призраком

*О романе Леонида Юзефовича «Филэллин» размышляют
Дмитрий Стахов, Игорь Кузнецов и Елена Иваницкая*

Дмитрий Стахов

За нашу и вашу свободу

Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения зловещи.

Иосиф Бродский

Леонид Юзефович более десяти лет писал (а сколько еще лет вызревал замысел!) и, наконец, опубликовал роман «Филэллин». Роман самим автором определяется как исторический, протягивающий нити в наше время, наполненный реальными персонажами, названными как их подлинными именами, так именами слегка видоизмененными, персонажами вымышленными, пронизанный преданиями и мифами и представляющий собой типичный — с моей отнюдь не литературоведческой точки зрения, — постмодернистский роман.

«Филэллин» встретили по преимуществу восторженно.

Отмечался документальный, якобы созвучный эпохе (действие романа — 1820-е годы) монтаж романа. То есть роман соединяет в единый корпус письма, дневники и мемуары, совокупность голосов, взглядов и мыслей людей тех далеких времен, причем голоса эти и мысли связаны не с канувшими в Лету вопросами, а с такими, что остаются животрепещущими и по сей день. И — что очень важно, — язык романа не претендует на аутентичность, не выглядит стилизованным, это язык наших дней.

Говорилось также о выявленном и подробно описанном автором через разных героев конфликте между ясностью мечты и сложностью реальности. В том числе о том, что «филэллин любит не греков, а свои мечты о них», что само по себе — то есть психологическая суть конфликта, подмеченная Леонидом Юзефовичем, — представляет немалый интерес.

Помимо этого утверждалось, что идеей романа становится погоня за призраками. Призраками счастья, свободы, справедливости — всего того, чего можно добиться лишь через войну, страдания и кровь.

И, как бы в противовес крови и страданиям, утверждалось, будто «Филэллин» — роман о любви, но о любви своеобразной, соединяющей в себе и любовь к другому человеку, и к царю, и к идее, и к стране, которая есть некая вссоединяющая, высшая любовь, а все перечисленные любви суть идентичные чувства.

Говорилось также, что роман повествует о вымышленной родине, идеальной, опять же таки выстраданной через кровь и войну, что только она, эта родина, настоящая.

Наконец, писалось, будто книгу Леонида Юзефовича необходимо прочитать в свете последних событий XXI века. Тех самых, что происходят в непосредственной близости от границ современной России, например — в Карабахе (Восток Украины не упоминался), а также о том, что в современной России, к сожалению, нет героя, который был бы похож на Мосцепанова, главного героя романа, отставного штабс-капитана, «сочувствующего повстанческому движению в стонущей под гнетом Османской империи Греции», и выражалась надежда, что он, Мосцепанов наших дней, обязательно появится.

Признаться, гипотетическое появление в наши дни мосцепановых, с одной стороны, внушает опасение. Эти люди, заточенные на экспорт справедливости, обуянные жадой власти и одновременно всегда блюдущие собственный интерес, страшны уверенностью, что твердо знают потребное другим, *что* для других есть счастье и свобода. С другой стороны, в пределах отечества такие люди не переводились никогда. Возможно даже — они российский фирменный бренд. Правда, они редко поднимаются с дивана, редко отводят взгляд от монитора, редко выходят из социальных сетей, но уж когда поднимаются, то жди беды.

Действие «Филэллина» разворачивается во времена войны Греции за независимость от Османской империи, в 1821—1829 годах XIX века, но в самой Греции примерно с середины повествования, а начинается в России, на Урале. Однако по большому счету этот исторический роман не об истории освободительной войны, не о непосредственных ее действующих лицах. Тут всё глубже и серьезнее. Возможно, это роман о предопределенности, о том, что высокое предназначение не реализуется должным образом, что по прихоти Лахесис нить судьбы приводит не к славе и доблести, а в лучшем случае к чаше вина, куску хлеба в маленьком домике на окраине Афин.

«Филэллину» — надо все-таки признать, — не присущи буквально все признаки постмодернистского романа. Скажем, в романе нет иронии, как нет ярко выраженной игры, да и черного юмора тоже, зато натуралистичности хватит еще на пару-тройку романов.

Один из самых выпуклых примеров можно привести из «Дневника инсургента» Шарля-Антуана Фабье, играющего в романе роль антагониста Григория Мосцепанова. Прототипом Шарля-Антуана Фабье послужил крайне любопытный, реальный исторический персонаж, Шарль Никола Фавье, барон, подлинный филэллин, боевой офицер (реальному в Бородинской битве оторвало ногу, романному — изувечило ступню), политический деятель, после смерти которого, в 1855 году, в его честь в Афинах была воздвигнута статуя. Кстати, приехавший в Грецию Фавье-Фавье вряд ли может называться именно инсургентом, он скорее наемник (в этом он напрямую признается), сражающийся в рядах инсургентов и ими — как имеющий профессиональный военный опыт — командующий.

Шарля-Антуана все время преследуют неудачи, он не уверен в себе. Его любовница, приехавшая в Грецию вместе с мужем, вскоре убитым в нелепой стычке, миссис Сьюзен Пелхем, Сюзи, не упускает случая унижить Шарля-Антуана. Покидая и Грецию, и любовника, Сюзи отправляет Шарлю-Антуану пакет: «Посыльный сказал, что вчера Сюзи отдала его хозяину, велев доставить адресату не раньше, чем корабль выйдет из гавани. Внутри я обнаружил клочок ее лобковых волос, перепачканных засохшей менструальной кровью. И всё! Ни прощального письма, ни записки хотя бы

Возможно, следуя все тем же постмодернистским принципам. Действия героев, их путь (в случае Мосцепанова — с Урала в греки) — фрагментированы, рассеяны по всему тексту, несмотря на внешне выдержанную хронологию. Мир, в котором действуют герои романа, хаотичен, движется при этом к распаду; не свобода и любовь встречают их, а печаль, разочарования, смерть.

Лишь Мосцепанов («Губы толстые, как у негра, а глазки голубенькие. Такие бывают у чистых девочек и развратных мальчиков» — по характеристике наблюдательного майора Чихачёва) везде оказывается в выигрыше: в Греции у него покорная, молчаливая женщина, достаток, полный дом, что не мешает ему, как и прежде, исторгать из себя превосходящие матерное лаяние слова и как подлинному мегаломану относиться ко всем окружающим с презрительным снисхождением.

В этом герое автором скрыто многое, далеко не всё, что можно увидеть на страницах. Это герой типический, крайне важный как для литературы, так и для нашего времени.

Общее отношение к «Филэллину» тем не менее возбуждает некое чувство противоречия, то есть — непонимание причин общей восторженности. При том, что этот роман очень интересен. Его даже можно назвать одним из самых значительных романов последних лет. И в этой связи вспоминается высказывание Валерия Брюсова по поводу одного из рассказов Чехова. Брюсов писал, что если критику не понравился этот рассказ «...то первый вопрос, который должен задать себе критик, это не “Где ошибка автора”, а “В чём недостатки моего понимания, если мне это не нравится”». Прочитав роман с большим вниманием и пытаясь ответить на «брюсовский» вопрос, ответа все-таки не нахожу.

Игорь Кузнецов

Вольный пленник Акрополя

Дочитав «Филэллин», я почти тотчас снял с книжной полки альбом-путеводитель по Греции и открыл его на главе, посвященной Афинам и Акрополю. То есть не совсем так — рассматривать его я начал с первых страниц и карты Греции и окрестностей, разверстанной на две полосы. По большей части названий городов и прочих мест, упоминаемых в романе, действие которого происходит в 20-х годах XIX века, тут не обнаружилось, так как моя карта изображала географическую действительность той самой часовой некоторыми героями романа Древней Греции, но уж Афины, Элевсин и ближайшие к ним острова были на месте под своими именами, никогда не менявшимися. Так что уже не составляло большого труда представить вид с Акрополя, открывшийся одному из персонажей романа: «Обширность горизонта — вот что подействовало сильнее всего. На краю скалы от высоты и восторга захватывало дух. День был ясный, в прозрачном воздухе ранней осени глаз не встречал никаких ограничений, кроме собственной слабости. Криднер сориентировал меня по сторонам света, это позволило разложить все открывшиеся передо мной картины по четырем разделам, чтобы надежнее сохранить их в памяти. На севере раскинулись городские кварталы с встающей над ними громадой Ликабеттоса; на востоке, минуя ворота Адриана, уходила в Элевсин известная даже мне, профану, *священная дорога* элевсинских мистерий; на западе темнел холм Ареопага с двумя пещерами, где находилась темница Сократа; наконец, на юге взгляд скользил по домикам Пирея, по игрушечным корабликам в порту, по сверкающей морской синеве, и упирался в отдаленные возвышенности Саламина или Эгины. Криднер не мог точно сказать, какой из двух этих островов мы видим».

Сам Акрополь уже в поздние времена романа начал освобождаться от венецианских и турецких построек, заслонявших Парфенон и Эрехтейон, но чуть раньше реально предстал перед взором главного героя Григория Мосцепанова, прежде видевшего его исключительно на гравюре еще в России и в своих видениях, местом, далеким от совершенства.

Вот что он пишет в письме к далекой своей гражданской жене Наталье Бажиной в Россию: «Сидим в осаде в той крепости на горе, что на моей гравюре у тебя дома. Там, где женщина под горой козу гонит, был бой с турками, я турецкого генерала застрелил, его солдаты разбежались, и мы ушли на Акрополь». «Кругом грязь, помои, воняет отхожим местом, Парфенон стоит шербатый, страшный, мраморные девы на Эрехтейоне носы повесили, у кого они есть». Я по сравнению с героем романа в лучшем положении, если отрешиться от ситуации подлинного присутствия, так как могу, пусть всего лишь на фото, с холма Филопаппа увидеть афинский Акрополь, окончательно очищенный от поздних наслоений, и даже рассмотреть его в подробностях II века новой эры, после нескольких архитектурных переделок, произведенных Адрианом и Иродом Аттиком, в детальной реконструкции. Но это уж так — для отрады души и взора, потому как имеет отношение не столько к роману, сколько, благодаря ему, к пробуждению во мне очередного интереса к античной Греции, благоприобретенного ещё во времена давней юношеской учебы на истфаке. А вот уж греческая война за независимость от Османской империи (1821—1829) и долгая героическая оборона Акрополя в захваченных турками Афинах в 1826 году никогда не задевали моих интересов. Да и знал-то я об этих событиях едва-едва до того, как в руках у меня оказался «Филэллин» Юзефовича. Но такое удивительное свойство у этого писателя: он делает достоянием многочисленных читателей события, настолько от них далекие во всех смыслах, что только диву даешься. Про греческую войну я уже сказал, с бароном Унгерном для меня особый случай (про него я что-то знал и до «Самодержца пустыни», даже его первого издания), а вот фамилии красного командира Строда и белого генерала Пепеляева из «Зимней дороги» были мне точно совсем неизвестны. Да и какое бы мне до них было дело, если б не книга Юзефовича у меня в руках?

Как, почему всё это *вдруг* становится современному читателю интересно?

Да просто потому, что хорошо, да ещё и чрезвычайно увлекательно написано — вот самое простое и вместе с тем почти исчерпывающее объяснение, на мой взгляд.

Тут я считаю своим долгом признаться, что для меня Леонид Юзефович относится к тем редким современным писателям, от чтения которых я получаю почти физическое удовольствие, а в таких случаях я читаю нарочито неторопливо, если не сказать медленно и даже, зачастую, возвращаясь к началу или середине только что прочитанного абзаца, не по причине досадного непонимания, а исключительно удовольствия для. Ниже приведу пару взятых практически наугад и оттого особенно характерных примеров.

«Члены враждующих партий умирали при загадочных обстоятельствах; говорили не только об отравленной еде или питье, но о смертоносной одежде, ядовитых конских поводьях, четках, шипах и колючках, украдкой положенных в обувь. Упоминались и пропитанные ядом страницы священных книг, как в "Имени розы" Умберто Эко. Впрочем, о том, что происходит за стенами двух столичных резиденций Богдо-гэгена, иностранцы мало что знали. Слухов ходило множество, но, по словам русского монголиста Позднеева, оценить их правдивость было так же трудно, как "проверить действительность жизни гаремов персидского шаха"» («Самодержец пустыни»). Тут, конечно, мои придыхания можно списать на бесконечную мою любовь к Монголии и на то, что для меня сам Богодо-гэген и его резиденции, одну из которых, сохранившуюся, напротив священной горы монголов Богд-Хан-Уул, я видел воочию, сами по себе более чем не пустые слова, — но вот опять на случайной странице открытая «Зимняя дорога», где меня ничто вроде бы заранее и уж точно *само собой* не должно впечатлять (хотя в Якутии я тоже был):

Елена Иваницкая

Жизнь с трещиной в сердце

Друзья! нас ждут сыны Эллады!

Вильгельм Кюхельбекер.
Греческая песнь (1821)

Историк, прозаик, поэт Леонид Юзефович в кратком вступлении к своему новому роману «Филэллин» объясняет читателю свою повествовательную задачу и особенности работы с историческим материалом: «Герои думают, пишут и говорят о том, о чем люди тогда думали, писали и говорили, правда, делают это не совсем так, как их тогдашние двойники и современники двойников, а ведут себя часто совсем иначе. Я не ставил своей задачей реконструкцию прошлого, но, может быть, строгий читатель более снисходительно отнесется к некоторой условности рассказанной здесь истории, если будет знать, что она разворачивается в натуральных декорациях и с привлечением подлинного антуража эпохи».

Если верна старая сентенция, что «любая история — это история настоящего», то сразу встанет вопрос, *о чем* этот роман, в ответе на который каждый истолкователь (включая автора) выявит свое понимание актуальных, «болевых» линий современности.

Юрий Сапрыкин (Медуза, 7 декабря 2020) ответ на вопрос связывает с образом войны в романе: «Начинавшийся как милая стилизация, “Филэллин” превращается в размышление о войне, о ее мистике и тайне. Война, как мы видим ее в “Филэллине”, — это не просто сражение между греками и турками или православными и мусульманами: в каком-то смысле это конфликт между ясностью мечты и сложностью реальности».

Владислав Толстов («Читатель Толстов», выпуск 453, 26 ноября 2020), называя роман «абсолютным шедевром отечественной исторической прозы», выдвигает на первый план проблему власти и ответственности: «Невероятно увлекательная, глубокая, умная история одиночества монарха и его ответственности перед потомками».

Андрей Тесля в журнале Fitzroy (18 декабря 2020), тоже, оценивая «Филэллин» как «великую книгу», сосредоточивает внимание на идеях «закольцованности», взаимосвязанности исторических и личных событий. Это роман «о жизни, о смерти, о любви — и о каменистой земле, на которой живут люди, где растет лишь олива и где делают вино, оставляющее на зубах смолу. Об истории — где одно сцеплено с другим причинно-следственными связями, где важно, что следует за чем и почему — и о мифе, связывающим всё, сплетаясь кольцом, — и где события жизни одного персонажа находят смысл в рассказе другого».

Рецензент «Горького» (gorky.media, 27 ноября 2020) видит в событиях романа «эффект гомеровских масштабов» и погружение в вечные темы: «Что получилось? Не кривая против исторической достоверности, роман носит историософский характер; документальные факты задают здесь разметку сюжетного поля, на котором разыгрывается беллетристическая рефлексия на вечные темы любви, самоотверженности, свободы, мечты».

Сам Леонид Юзефович в интервью журналу «Огонёк» (№ 45 от 16 ноября 2020, стр. 34, беседовала Мария Башмакова) настаивал, что главной идеи в романе нет, «их много» — и назвал лишь одну: «Мои герои не авантюристы и не радикалы. Они мечтатели. Каждый из них приезжает в Грецию не только ради того, чтобы воевать за

Андрей Колесников

Время и место Михаила Румера

«Что заставляет меня из года в год ездить по глухим русским селам, по знакомым за долгие годы в аграрной публицистике районам, ворошить прошлое... Порой мне кажется, что время в тех местах остановилось. Река жизни текла... а потом замерла, течение прекратилось, и тусклая мертвая вода отражает медленный ход облаков».

Этим вопросом журналист и писатель, что в его случае было одним и тем же, Михаил Залманович Румер-Зараев задавался в последние годы своей долгой жизни многократно. Даже в своей книге «Хождение по руинам. Портреты трёх сельских районов на фоне новейшей истории», которая, к несчастью, стала — символическим образом — итоговой, вышедшей вскоре после кончины Румера, он возвращается к этому вопросу не один раз¹. Это и «производственный» интерес, свойство исчезнувшей ныне профессии аграрного репортера и публициста, описывавшей цивилизацию сельской России, ушедшей под воду истории, как «Матёра» Валентина Распутина. Но и нечто более глубокое — своего рода способ жизни внутри скудного левитановского пейзажа, бедного красками: «...меня поражало в себе самом то странное удовольствие, которое я получал от странствий по этим глухим деревням, мокрым

полям... Почему-то это засасывало, и я десятилетиями вел такую жизнь. Откуда это во мне — городском человеке, всеми своими корнями далеко от села? Пережиток народничества, свойственного русской интеллигенции, ощущение контраста с обычным существованием? И на склоне лет снова и снова вхожу в эту реку, все замедляющую свое течение. Иногда кажется — нырнуть бы в нее совсем, скитаться так до смертного часа, который придавит тебя где-нибудь в избе на временном постое или в районной гостинице, и уйти, раствориться, безлико, безымянно в этом мире, угаснуть вместе с его угасанием».

Еврей-аграрник

Выпускник Института землеустройства — а куда еще мог быть допущен учиться еврейский мальчик, сын врага народа? — увидел сельскую Россию в буквальном смысле через призму геодезических инструментов. И литературные наклонности молодого человека сошлись, как «скрещение визирных нитей» с деревенским миром. Есть иронический образ «еврея-полярника», а тут получился «еврей-аграрник», аграрный журналист, исходивший ногами сельскую Россию и знавший ее на марафонской дистанции нескольких десятилетий: «Хождение по руинам» — это сравнение обстоятельств знакомых писателю сельских районов в разное время, но в одних и тех же местах. Румеровское «Время и место». В кавычках и без.

Упоминание «Времени и места» не то чтобы случайно. В прозе Михаила Румера — городской по своей природе — много от Юрия Трифонова. Прежде всего, трифоновс-

---

Михаил Румер-Зараев. Хождение по руинам: портреты трёх сельских районов на фоне новейшей истории. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020.

¹Судя по всему, последней прижизненной публикацией Михаила Румера-Зараева стала документальная повесть «Исчезнувший мир», напечатанная в «ДН» (2020, № 4—5).

Елена Сафронова

Кино про смерть

Новая книга стихов Татьяны Миловой «И краткое» оригинальна уже тем, что к ней предпослан эпиграф из детектива.

«— На первый взгляд вы как будто правы: обыкновенное любовное послание. Но попробуйте линией соединить все точки над «i», и вы получите... план укреплений Портсмута!

Агата Кристи, "Девушка в поезде" (пер. Павла Рубцова)».

Я вижу подобное впервые. «Детективщики» часто используют стихи в своих текстах в качестве ключей к разгадке или некоего кода. Но чтобы поэт прибегнул к помощи детектива — такого не припомню. Резонно воспринять детективный эпиграф тоже как элемент смысла или сигнал — но чего и к чему?.. Это меня заинтриговало.

Эпиграф (смотрим Википедию): «цитата, помещаемая во главе произведения или его части с целью указать его дух, его смысл, отношение к нему автора и тому подобное». Многие эпиграфы стали достойными загадками литературоведения. Для книги стихов значение эпиграфа особенно: ведь поэзия из образов и символов и состоит.

Самое простое предположение — эпиграф отсылает к тексту внутри книги. Что бы это могло быть? Детектив как таковой, тайна, загадка отпадают. Поэзия Миловой не «прозрачна», не считывается с первого взгляда. Она формирует собственную вселенную, внутри которой все говорят на одном языке — и это самобытная речь, не столько звуковая, сколько визуальная (к этому вернемся).

Татьяна Милова. И краткое: Стихотворения. — М.; СПб.: «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020.

Но при этом тексты Миловой, слава Богу, не каблистика, которой необходим дешифратор.

В книге есть одно стихотворение, где упоминается пароль:

Как-то щедро мы разбредались, расплёскивались
по городам,
Статусам, даже занятиям, — так ничего
и не сделали
плечом к плечу;

Разве что сталкивались нос к носу («...Нет же, совсем

не изменилась, клянусь!..»),
Называли пароли юности: *Копакабана, Яма,*
Сайгон;
Начинали отсчёт утопленников (тоже масонский
знак)

В разных водоёмах: кто в Америке,
кто в Крыму —
Через Канаду транзитом; четверых уже нет... —

история мимолетной встречи однокашников
на улице закольцована с «паролями юности»
последней фразой:

Вспышка солнца на бампере — ты понял,
Серёжа?.. —
это — пароль.

Но все это повествование — не детектив, а мелодрама. Татьяне Миловой вообще присущ мелодраматичный взгляд на жизнь, в коем господствует смерть. Она — сквозная тема и настроение, проводимое с первого же стихотворения в книге:

Берег исчез — или из вида, или исчез,
Все умерли, тает след за кормой, тает сама корма,
Странно, не правда ли, думать, что и сейчас
Где-то носятся ветром мосты, фонари, дома.

Ольга Бугославская

«У бездны мрачной на краю»

Роман Андрея Дмитриева состоит из множества сюжетных линий — любовных, детективных, мистических, — ни одна из которых не приходит к ожидаемой развязке, predetermined жанровым каноном. При этом общая композиция к финалу парадоксальным образом обретает завершенность и стройность. Благодаря такому сочетанию рваных и законченных линий происходящее в романе очень похоже на жизнь.

Главный герой — учитель литературы с сорокалетним стажем из маленького российского городка Хнов. Среди его учеников появляется девочка, с которой у него складываются дружеские отношения. По школе, а потом и по городу распространяются грязные слухи. На учителя пишут донос, ему угрожает уголовное преследование. Во избежание серьезных проблем главный герой покидает Хнов и спасается на территории сопредельной Украины. Там он находит работу у крупного бизнесмена, бывшего ученого, по имени Авеля. Он знакомится с членами семьи Авеля и его сотрудниками, постепенно делаясь для них не просто своим, а кем-то вроде доверенного лица.

Повествование опирается на детективную основу — поиски двух пропавших детей, один из которых — внук работающей у Авеля уборщицы. Исчезновение двух мальчиков, уехавших на велосипеде в сторону леса и не вернувшихся, порождает гнетущую атмосферу тревоги, которая становится фоном всех событий. Всем кажется, что мрак неизвестности

скрывает фигуру какого-то страшного злодея-душегуба... Расследование, в которое вовлечен и главный герой, складывается из серии связанных между собой, но при этом самостоятельных рассказов: о том, как чуть не потерялась дочь самого Авеля Татьяна, о советских детях из неблагополучных семей, самостоятельно сбегавших на лето в Крым, о поимке лжепреступника, о начинающем экстрасенсе, неожиданно продвинувшем следствие, и так далее.

Читатель, успевший настроиться на волну триллера или детектива, ждет, что число преступлений предполагаемого маньяка-убийцы будет расти и вообще действие будет развиваться в соответствии с известной жанровой канвой. Но этого не происходит. Ни один из эпизодов не вносит определенности, а лишь намечает некий неблагополучный исход и тем самым усиливает беспокойство и недобрые предчувствия. С этим сопряжен побочный эффект: читатель, чьи ожидания трагической или благоприятной развязки каждый раз не оправдываются и как будто переносятся на потом, слегка устает от несколько затянувшегося саспенса и общей неясности.

Действие, разворачивающееся на этом, украинском, берегу начинается и заканчивается на том берегу — в России. Отношения соседних стран аллегорически описаны в документальном фильме о животных, который герой смотрит по телевизору. Там показано, как гиены пожирают еще живую антилопу. Родина главного героя присутствует в романе как одичавшая и, как следствие, очень агрессивная страна. Главный герой, носитель идеи просвещения, Учитель, из нее изгнан. Символично также, что жена

Андрей Дмитриев. Этот берег: Роман. — М.: Время, 2021.

изгнанника за ненадобностью распродает его книги: «...прощай, моя библиотека, я собирал тебя почти всю жизнь. Прощай темно-зеленый Диккенс, все тридцать восхитительных томов!.. Прощай, весь темно-голубой Толстой!.. Прощайте, рыжий мой Шекспир и темно-синий Пастернак!.. Прощай, багровый Маяковский!.. Прощай, зеленоватенький Есенин!.. И Пушкин, да, и ты прощай!.. Прощайте, черный Горький, коричнево-красный Герцен, серый Драйзер, и много, много что еще!.. Прощай, жизнь — едва ль не все, что было в ней мне дорого...» Россия частенько напоминает о себе как источник угрозы, и если Украину олицетворяет персонаж по имени Авель, то Россия в романе — страна многочисленных каинов. Из московской студии транслируется ток-шоу, участники которого призывают забросать бомбами Киев и Львов. Из Сургута прилетает отец пропавшего ребенка, начитавшийся абсурдных книжек о некой украинской организации под названием то ли «Бердянск», то ли «Кременчуг», которая якобы занимается похищением русских детей... На том берегу мелькают зеленые человечки. Из-под Дебальцево привозят труп двадцатидвухлетнего парня... В конце концов из России приходит известие, связанное с бывшей ученицей главного героя. Это известие — и одновременно мольба о помощи — заставляет его вылететь в Москву. Здесь вновь актуализируется тема «Литература и жизнь». Возвращение на родину, сопряженное с возможным арестом на основании оговора и фиктивного дела, стало громкой реальной историей вскоре после того, как роман «Этот берег» был опубликован в журнале «Знамя». Сюжет, что называется, витал в воздухе.

В финале судьба учителя и двух пропавших ребят связываются сразу двумя узлами: главный

герой мысленно ставит себя на место и самих этих мальчиков, и их отца. С этих разных точек зрения рассматривается один и тот же предмет — осторожность, страх и трусость.

Страх выталкивает главного героя из страны. Страх когда-то заставил его совершить роковую ошибку, которая, как выясняется в финале, поломала всю его жизнь, вернее, не поломала жизнь, а просто вывела на чужой путь, где он стал невидим для Судьбы и других направляющих человека высших сил. В результате жизнь, предназначавшаяся ему, осталась и вовсе непрожитой. А с другой стороны, наивное и неосмотрительное бесстрашие приводит детей в лес... И похожее чувство заставляет взрослого беглеца сесть в самолет. Авель произносит что-то вроде манифеста: «Рецепт прост... Видишь опасность — не беги, не прячься от нее, иди ей навстречу; она глядит тебе в глаза — не отводи, не жмурь свои... Слышишь угрозу — сам грози, не шепотом, но чтобы было слышно всем... Узнал, в какой норе притих и караулит тебя главный твой жаж и ужас, — иди к норе, ткни в нее палкой, снова ткни, еще как следует повороши... С маленькими страхами то же, что с большим, — всегда иди навстречу — и они рассыплются в труху... Этому вполне можно научиться — но... при ясном понимании того, что ты однажды неизбежно проиграешь...» Дилемма проста, а любой выбор трагичен: либо боишься и прозябаешь, либо не боишься, но в какой-то момент неизбежно гибнешь.

Роман точно попадает в то, что называется нервом эпохи. В последнее время вопрос выбора стоит так же остро, как во времена, когда о том же самом писал Михаил Булгаков: «...и трусость, несомненно, один из самых страшных человеческих пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри. Нет, философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок».

Евгений Абдуллаев

И снова слово на букву «И»

В нескольких предыдущих «барометрах» я, похоже, слишком углубился во внутри-литературные дела. Пора высунуть голову за пределы нашей *république littéraire*.

Этот очерк будет, на первый взгляд, не о литературе. И речь пойдет о статье, которая к литературе тоже отношения не имеет — хотя и опубликована в литературном журнале.

Дмитрий Узланер, «Конец “проправославного консенсуса”: религия как новый раскол российского общества» («НЛО», 2020, № 3).

Чтобы не пересказывать, процитирую из аннотации.

«Статья посвящена феномену “проправославного консенсуса”, сложившегося в России к началу XXI века, и его постепенному разрушению в 2010-х годах. Православие из фактора национального консенсуса постепенно превращается в фактор конфликта, раскалывающего российское общество. Этот процесс иллюстрируется целым рядом кейсов, начинающихся с дела “Пусси Райот”: появление в публичном пространстве “бывших верующих”, становление нового российского атеизма, конфликты вокруг музеев, выставок, фильмов, риторика “информационной войны” против Церкви и т.д.».

Внешне, казалось бы, все так. И конфликты, и кейсы. И сам я писал об этом в этой рубрике года три тому назад (2017, № 12).

Задумываешься о другом.

Как же получилось, что православие, бывшее (по утверждению автора) консолидирующим началом российского общества, стало (по его же утверждению) «фактором конфликта»?

Понятие «проправославного консенсуса» предложили в 2000-м году российский политолог и религиовед Дмитрий Фурман и его финский коллега Киммо Каарияйнен¹. Академии наук России и Финляндии провели тогда серию социологических опросов, выявивших крайне позитивное отношение большинства респондентов к православию. Что и было отражено в предложенном понятии.

Что же изменилось?

Опросы последних лет (и это признает сам Узланер) «показывают лишь небольшие изменения в “проправославном консенсусе”»; консенсус продолжает сохраняться.

Чтобы обосновать тезис о его конце в 2010-е Узланер прибегает к совершенно иной исследовательской оптике — которая, как он сам предупреждает, выходит

---

¹ Фурман Д., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К.Каарияйнена, Д.Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.

«за пределы стандартного анализа опросов общественного мнения». Он анализирует кейсы — те самые, которые перечислены выше. От «Пусси Райот» и далее со всеми оговорками.

Здесь возникает первый вопрос. Разве до начала 2010-х не было подобных кейсов? Сколько угодно. Можно вспомнить многочисленные разоблачительные материалы о сотрудничестве в советское время высших иерархов РПЦ с органами госбезопасности, включая нашумевший телерепортаж Татьяны Митковой. Это еще 90-е, самое начало. Или перформанс Тер-Оганьяна с рубкой православных икон (1998). Или выставки «Осторожно, религия!» (2003) и «Запретное искусство» (2006).

Антиклерикальные ноты довольно отчетливо звучали и в прозе. И в «Полуострове Жидятине» Олега Юрьева (2000), и в скандальной «Лестнице на шкаф» Михаила Юдсона (2003), несколько раз переиздававшейся. И в «Дне опричника» Владимира Сорокина (2006)... И в «Коме» Эргали Гера (2010)... Перечислять — не перечислишь.

Антиклерикальность порой переходила в кощунство. «Кощунство... в современной литературе — вещь модная и выросшая на гидропонике постсоветского неопитства». Это Ольга Лебедушкина еще в самом начале нулевых писала («Дружба народов», 2002, № 5).

Все это, однако, не положило конец «проправославному консенсусу» и не привело к расколу общества.

Почему же именно в 2010-е, по утверждению Узланера, консенсус закончился?

«Всякий анализ современной религиозной жизни в России следует начинать с истории "Пусси Райот", ставшей ключевым поворотным моментом для многих процессов».

Это утверждение Узланер несколько раз, как мантру, повторяет в самой статье. «Дело "Пусси Райот" выступило катализатором...» — «Дело "Пусси Райот" оказывается поворотным моментом...» — «И поворотным пунктом тут снова оказывается "панк-молебн"...»

Дело, не спорю, было шумное. Но действительно ли столь эпохальное? Сомневаюсь. Задача исследователя как раз состоит в том, чтобы уйти от оценки того или иного события в зависимости от его «резонансности». Иначе в чем тогда отличие позиции исследовательской от, условно говоря, обывательской? Обыватель тоже судит о важности события по количеству «медийного шума».

Да, отчасти конфликтный потенциал заложен в самом христианстве, изначально, с самого основания. Соответствующие евангельские цитаты не привожу — надеюсь, и так известны. И с превращения христианства в государственную религию светская власть стремилась этот конфликтный потенциал, порожденный «неотмирностью» христианской церкви, свести к минимуму. Растворить христианство в себе, инструментализовать. Такова естественная логика светских элит, в том числе и нынешних российских. Но осуществить это полностью никогда не удастся. Отсюда и конфликты: явные и — что важнее — скрытые.

В 2010-е обозначился лишь новый уровень этих конфликтов. Нет, не из-за конца «проправославного консенсуса» (если таковой вообще имелся)¹. Отчасти — и это отмечено в статье Узланера — из-за общего роста оппозиционных настроений по

---

¹ При всем уважении к Дмитрию Фурману (мне довелось общаться с этим замечательным ученым и мыслителем в Ереване в 2004 году), должен сказать, что это понятие не представляется удачным. О каком «проправославном консенсусе» в 90-е можно говорить, когда одновременно — и даже более стремительно — шел рост количества адептов в исламе (и их активности), а также в лагере прямых «конкурентов» РПЦ: различных неопротестантских церквей? А еще пестрая вереница восточных культов, неоязычество... «Прорелигиозный консенсус»? Возможно. «Проправославный» ли?

сравнению с предыдущим десятилетием. Критика церкви — как это уже не раз бывало в российской истории — оказывается наиболее доступной формой критики политической власти.

Но это объясняет далеко не все. Разве в 90-е РПЦ не пользовалась патронажем государства? Не говоря уже о нулевых. Специфика 2010-х все же не в этом.

Нужно иметь в виду и завершившуюся к концу нулевых медийную революцию. Благодаря Интернету и социальным сетям прежде безгласное (относительно) большинство получило «трибуну». Конфликтов не то чтобы резко стало больше: просто протекавшие прежде незаметно и скрыто стали выходить на поверхность, разрастаться, детонироваться. Это отмечает (хотя и не связывая с «медийной революцией») и Узланер: «...Почти любой слух, любое обвинение — даже самое несправедливое — “раздувается” и привлекает широкое внимание общественности».

Тут, пожалуй, стоит несколько остановиться.

Нет, все сказано справедливо. У меня вопрос — последний в этом очерке — лишь к понятию «общественности», «общества», «российского общества», которое постоянно использует в своей статье Узланер. Присутствует оно и в ее подзаголовке: «Религия как новый раскол российского общества».

Так вот — понятие *общества*, на мой взгляд, использовано здесь не совсем корректно. Вместо него должно было стоять другое: *интеллигенция*.

Не «российское общество», а «российская интеллигенция». Тогда всё встает на свои места.

Достаточно просмотреть упоминаемые Узланером кейсы, чтобы увидеть: все «действующие лица и исполнители» относятся именно к этой социальной группе. И бывшая послушница Мария Кикоть, и журналист-атеист Александр Невзоров, и «Пусси Райот», и режиссер Тимофей Кулябин, и все другие упомянутые и неупомянутые в статье персоны — все это не рабочие, не крестьяне, не военные, не бизнесмены, не госслужащие.

«Я не знаю в точности, какие именно социальные группы выпали из этого [проправославного] консенсуса», — признает Узланер в конце статьи. (Вообще, в конце он пытается немного смягчить свои формулировки.)

На мой взгляд, именно с этого вопроса — о социальных группах — как раз и стоило бы начинать. Определить социальную принадлежность «фигурантов» статьи в век Интернета не составляет труда. Почти все они имеют высшее образование, все связаны с интеллектуальными и/или творческими профессиями. Все относятся к интеллигенции, причем наиболее крупных российских городов: Москвы, Питера, Екатеринбурга, Новосибирска... К этой группе принадлежит, кстати, и сам Дмитрий Узланер. Часть, иными словами, выдается за целое, *pars pro toto*.

Этому, впрочем, есть объяснение.

Понятие «интеллигенция» почти исчезло из социальной и политической лексики 2010-х: из научных исследований, из публицистики, литературной критики. Последний всплеск обсуждений этого понятия был отмечен в начале нулевых; несколько интересных проектов по изучению постсоветской интеллигенции провел во второй половине нулевых Виталий Куренной с коллегами (под патронажем фонда «Наследие Евразии»).

И — всё, дальше тишина. «Явление интеллигенции исторически исчерпано, и сейчас распавшаяся интеллигенция является пустым означающим, не имеющим за собой социальной онтологии» (Виктор Мартьянов)¹.

¹ Мартьянов В. Постсоветская Россия. Социально-теоретические размышления // История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. В. Куренного. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2009. С. 72.

Даже где-то встретил тогда: как хорошо, что наконец исчезло это слово на букву «И», так всем надоевшее. Пытались назвать ее как-то по-другому. Интеллектуалы. Креативный класс. Куренной предложил: интеллектуально-активная группа.

В целом, интеллигенция в который раз себя хоронила¹.

Хотя вроде и вузы продолжали все эти годы выпускать людей с высшим образованием, и численность граждан РФ, занимающихся интеллектуальным трудом, не уменьшалась. Напротив. Это заводы в результате деиндустриализации продолжают закрываться и деревни обезлюдивают. А интеллигенция — та самая, которая считалась лишь «прослойкой»... Нет, и по ней ударил развал Союза, совпавший с общемировым завершением эпохи модерна. Да, какая-то часть в 90-е маргинализировалась. Какая-то эмигрировала. Какая-то ушла в бизнес, в госструктуры, в неправительственные организации, в церковь...

В нулевые положение интеллигенции несколько стабилизировалось, хотя ряд прежних свобод был утрачен и ряд прежних «вакансий» закрыт. Но пока экономическая ситуация оставалась в целом стабильной, с этим как-то мирились.

С конца нулевых ситуация стала ухудшаться, пояса затягиваться (пусть и не так сильно) и гайки закручиваться (пусть и не так резко). И интеллигенция, откормившаяся в нулевые и получившая к тому же мощный медийный ресурс в виде Интернета, вышла на сцену. Именно она оказывается за всеми протестными движениями 2010-х, от прелюдии на Болотной до постлюдии с Навальным. Как это, опять же, не раз бывало в российской истории — и поздней имперской, и позднесоветской.

Между «той» интеллигенцией и нынешней, постмодерной, есть, конечно, различия. Нынешняя крайне атомизирована; у нее почти полностью отсутствует сословная солидарность, столь остро развитая у прежней. Она не знает (и не стремится рефлексировать), кто и что она; она даже не знает, что она — интеллигенция. Она способна мобилизоваться на кратковременный протест: для долговременных действий ей не хватает хотя бы минимального осознания своей социальной общности.

И второе. «Если во второй половине XIX века интеллигенция была прежде всего народнической, то в XXI веке ее характеризует ярко выраженный антипопулизм»². Интеллигенция постмодерна слишком замкнута на себе, своих собственных проблемах и своих собственных взаимоотношениях с властью. Отсюда, кстати, и не раз отмеченная бедность постсоветской литературы в отображении иных социальных слоев, иных — неинтеллектуальных — видов деятельности...

В чем нынешняя интеллигенция наследует прежней — это антиклерикализм, в диапазоне от умеренного агностицизма до экстремального атеизма. Интеллигенция с момента своего возникновения находится с церковью в отношениях острой конкуренции за интеллектуальную и духовную власть; что не исключало воцерковленности отдельных ее представителей, а также отдельных периодов прихода части интеллигенции в церковь. Последнее происходило, как правило, в кризисные и для интеллигенции, и для церкви времена; тогда между ними временно прекращались «боевые действия» и устанавливались отношения симбиоза.

Последний такой период, начавшийся в 1970-е, на волне отчуждения значительной части интеллигенции от «социалистического проекта», достиг своего пика в 1990-е. Церкви, вышедшей из полумаргинального существования, не хватало священно-

---

¹ В те же годы, однако, в одном литературном обсуждении прозвучало более трезовое: «Советская интеллигенция и полуинтеллигенция с падением советской власти не исчезли, а лишь реформативались» (Валерий Шубинский, «Октябрь», 2010, № 2).

² Джагалов Р. Антипопулизм постсоциалистической интеллигенции («Неприкосновенный запас», 2011, № 1).

служителей, не хватало преподавателей светских дисциплин во вновь открываемых семинариях, не хватало просто грамотных специалистов.

К середине нулевых этот «голод» уже не испытывался. Большая часть пришедшей в церковь интеллигенции в ней, насколько можно судить, осталась (перестав быть интеллигенцией *per se*), какая-то часть ее покинула — тихо, либо же превратив свой уход в медийное событие. В интеллигентский дискурс снова возвращается антиклерикальная риторика, в церковный — антиинтеллигентская¹. Поскольку же РПЦ начинает все активнее участвовать в социально-политической жизни, неудивительно, что градус и той, и другой все более повышается.

В этом, собственно, и состоял конец «проправославного консенсуса» среди — снова подчеркну — интеллигенции.

Это не значит, что антиклерикальные настроения полностью отсутствуют в других слоях общества. Или что часть интеллигенции — не только воцерковленная — не относится к церкви сочувственно. Но конфликт существует и, возможно, будет усиливаться. И разобраться в нем, игнорируя роль интеллигенции, игнорируя само это понятие, — путь малопродуктивный. Это же, впрочем, относится и к ряду других противоречий — в том числе и касающихся литературы. Но о теме «интеллигенция и литература» — как-нибудь в другой раз.

---

¹ Кстати, многие носители этой «антиинтеллигентской» риторики в РПЦ сами вышли из светской интеллигенции. Эту особенность еще в 1970-е годы отметил прот. Александр Шмеман: «Даже обращаясь в Церковь, интеллигент остается интеллигентом. Он “несет знамя” своей “церковности”, он “обожает поститься”, он с надрывом принимает Типикон и, главное, все время клеймит “интеллигенцию”» (*Шмеман А., прот. Дневники. 1973—1983. М.: Русский путь, 2005. С. 361*). На традиционный «интеллигентско-церковный» конфликт накладывается внутренний, «интеллигентско-интеллигентский».

Борис Минаев

Чацкий навсегда

Есть у Алексея Владимировича Бородина, худрука Российского академического молодежного театра, редкое качество — угадать с репертуаром. Выбрать пьесу, в которой бьется день нынешний, современность вылезает из, казалось бы, совсем чужих одежд, прорывается сквозь другие времена.

Например, «Берег утопии» Тома Стоппарда — смотреть его надо было весь день, три части с утра до вечера. К концу просмотра немного гудела голова и подкашивались ноги (хотя никаких физических нагрузок вроде не было предусмотрено) — но спектакль завораживал.

Герцен, Белинский, Чернышевский, Бакунин, Тургенев — все эти имена из «школьной программы», из учебника истории оказались настолько живыми, страдающими, близкими тебе *людьми*, их судьбы столь тесно и жарко переплетены, что ты в изумлении восклицал: так вот ты какая, русская революция!

И верно, зарождение главной утопии и главной трагедии XX века почему-то именно тогда, в середине нулевых (год премьеры трилогии Стоппарда в Москве — 2007-й) было очень актуальным.

Может быть, именно тогда нам показалось, что с этой «революционной Россией», с большевизмом, коммунизмом, советской властью — навсегда покончено, все это ушло в глубь времен, надежно там поместилось, плотно встало на книжной полке, и теперь все это можно, наконец, «рассмотреть», надев театральные окуляры?

А может быть, и наоборот, — именно тогда Бородин, взяв в руки пьесу, вдруг почувствовал востребованность этого типа людей?

...Или «Нюрнберг» (премьера состоялась 10 октября 2014 года) — сценическая редакция старого американского фильма о так называемом «малом» Нюрнбергском процессе, когда на скамье обвиняемых оказались несколько судей третьего рейха, «законников», своим авторитетом оправдавших лютые расовые преступления Гитлера.

И это тоже было удивительно созвучно времени, когда вдруг посыпались один за другим новые «политические процессы».

Мне всегда хотелось понять — как худрук театра это делает? Вот Алексей Владимирович вдруг начинает перечитывать старый текст, ставит пометки, вписывает свои ремарки... Но откуда, каким ветром приносит ему этот новый смысл? Как он чувствует, что — да, пора?

...Чацкий приезжает из-за границы. Причем совершенно внезапно.

Никаких ремарок у самого Грибоедова, впрочем, в тексте нет. Упоминаются некие «кислые воды» — Баден-Баден? И это, пожалуй, все, что мы знаем о «загранице» Чацкого.

Однако этот *внезапный приезд* на Родину почему-то волнует здесь, в Москве, абсолютно всех. Явление, в общем, совершенно необъяснимое. Ну, какое, казалось бы, кому дело? Ну, женитесь, сватайтесь, пляшите на балах, спускайте и приумножайте состояния, плетите амурные и служебные интриги — что вам этот Чацкий? Однако же вся Москва как будто крупно вздрагивает — да неужели? Да зачем он тут?

Чацкий вроде бы забыт, отброшен, отторгнут от большого московского «тела», которое Грибоедов рисует как будто одной гениальной линией. И его возвращение поэтому становится для всех крайне неприятной пилюлей.

Трудно, наверное, найти в литературе другое произведение, где так гениально показан этот город — как густой раствор из репутаций, карьер, семей и семейных связей, где все друг друга знают или «что-то слышали», как конгломерат человеческих типов. Никто и никогда лучше Грибоедова этого не сделал. Так вот, именно этот конгломерат «московских людей» почему-то очень раздраженно, невероятно резко реагирует на возвращение Чацкого. Почему?

В 2007 году «Горе от ума» было поставлено в «Современнике» Римасом Туминасом (именно в том году он стал худруком Вахтанговского театра). В роли Фамусова — Сергей Гармаш. Надо сказать, то «Горе от ума» меня, конечно, поразило. Туминас предпринял невероятную попытку — взглянуть на грибоедовскую комедию из совсем другой, «обратной» перспективы. Перевернуть бинокль, изменить оптику. Фамусов Гармаша — человеческий, понятный, близкий, страдающий отец, который в одиночку воспитывает дочь, и его сердце постоянно ранено этой отцовской любовью, заботой, нежностью, ревностью, страхом — ну да, а как же без матери воспитывать?

С ног на голову «переворачивается» и сюжет с Чацким — ну да, он ведь тоже сирота, и тоже воспитанник Фамусова, практически приемный сын. «Большое сердце» Фамусова, его житейская мудрость оправдывали вечный конфликт отцов и детей, в котором мы всегда на стороне последних, как-то смягчали его, компенсировали старомодность и теплую «старорежимность» страдающего отца-одиночки, твердо несущего свой крест.

В этой системе отношений Чацкий был тоже любимым ребенком — избалованным, капризным, со своей заплетающейся, сбивчивой речью и с раскочанными до болезни эмоциями.

За спиной у этого Фамусова мощно вставал главный герой спектакля — московский дом, с его сенями и залами, с хрипучими настенными часами, со сложными отношениями слуг и господ, с атмосферой невероятного московского уюта, дремой и забытием в послеобеденные часы, дома-крепости, дома, который и есть основа основ существования человека в этой неуютной стране.

Именно эта — очень правильная и очень гармоничная, естественная — «семейственность» составляла философию того спектакля — в противовес классическому пониманию московской «семейственности» как коррупционной, олигархической, сословной среды. Чацкий как революционер, диссидент или по крайней мере инакомыслящий — в эту философию явно не вписывался.

«Горе от ума» Туминаса было настолько непривычно и настолько выламывалось из «школьно-программной» модели, что пришедший на премьеру Владимир Владимирович Путин спросил: а почему он у вас все время плачет, что с ним? И верно, на привычного «сильного» Чацкого герой Ивана Стебунова был совсем не похож, его переполняли совсем не те эмоции, он постоянно срывался на истерику.

Ну, понимаете, — трудно подбирая слова ответил Римас Туминас (дело происходило в кабинете главного режиссера «Современника») — он ведь сирота... И попытался рассказать концепцию спектакля. Александр Матросов тоже был сиротой, — парадоксально ответил Путин. И разговор о концепции закончился.

Вспоминая теперь и этот разговор, и этот спектакль (который сохранился в памяти как театральная легенда), я понимаю, что он тоже был крепко вписан в свою эпоху — спектакль подводил черту под первыми годами нового века, когда закончились политические бури 90-х, когда казалось, что можно просто заниматься собой, своей семьей, то есть жить, воспитывать детей, налаживать отношения, строить свой дом и растить свой сад...

Так казалось многим тогда, и про это и был спектакль.

Сегодняшнее «Горе от ума» в РАМТе — очевидно противостоит и той концепции, и той (казалось бы, совсем недавней) эпохе. «Возвращение Чацкого» снова перестает быть событием одной частной жизни и одной московской семьи, снова становится общественным и политическим сюжетом. И на сцене построено совсем другое пространство — не обжитой поколениями московский дом, не сладостный бой старых часов, не уют старого жилища — а условные стены, которые, как трансформер, передвигаются на колесиках и обозначают условно-холодное пространство безвременья, это русский снег и зима, это карета, которая всегда торчит в середине и обозначает вечную готовность к движению, к бегству, к изменению.

Другой, конечно, и Фамусов (артист Алексей Весёлкин) — молодежавый, как будто из ртути созданный человек без возраста, стремительно меняющийся, весь в хлопотах, заботах, подвижный и очень адаптивный, деловой, для которого дочь — лишь одна из этих забот. Удержаться на плаву, сохранить статус-кво, не потерять, не проиграть, быть актуальным, сохранять позицию и дистанцию — в этом Фамусове его «старорежимность», старомодность, приверженность тогдашним «скрепам», риторическая консервативность — лишь очередной инструмент выживания, сохранения себя в московской элите, в этом списке из «ста семей» или близко к списку. Назавтра этот же Фамусов станет умеренным либералом. Или ярким патриотом, неважно.

В этом смысле дочь Софья (актриса Ирина Таранник) — лишь утяжеление, отягощение его участи — она должна «соответствовать», и это непростая задача.

...Так почему же возвращение Чацкого в Москву — такая сенсация? Почему реакция на него — отторжение, страх, даже ненависть? Почему в этом столь сложно устроенном обществе (от военных служаков до псевдо-либералов) для него не находится никакого места?

В чем Бородин видит главную причину? Ведь здесь, в Москве, для Чацкого его почва, его корни, его любовь, его родные, его друзья, понятные ему люди, возможность обрести свой дом, свою семью, свой круг занятий?

...Мы возвращаемся к старой, привычной модели Чацкого-революционера, диссидента, инакомыслящего (я бы сказал, к старой советской модели) — но почему?

Почему опять главные акценты спектакля — вот эти знакомые с детства «а судьи кто?», «грабительством богаты», эти «дворцы», нажитые этим «грабительством», эти привычные способы обогащения: «порадеть родному человечку», — и зал буквально вздрагивает, потому что это уже совсем не «школьная программа», это не «для детей и юношества», это уже как сегодняшняя «газета»...

И здесь постановщику понадобилась очень тонкая настройка, чтобы сделать все это привычное и классическое — вновь современным.

Чацкий (актер Максим Керин) — парень огромного роста, в каких-то современных полувоенных ботинках, с распахнутыми полами длинного плаща, очень молодой, очень физически сильный, хотя и беззащитный, оказался типом близким нам, узнаваемым.

И для этого понадобилось лишь показать, насколько он выключен (благодаря характеру, судьбе или возрасту, неважно) — из системы бесконечных взаимных компромиссов, в которую вязко погружены все остальные.

Нужно было просто перечитать текст и увидеть — насколько этим тотальным могучим компромиссом пронизаны все отношения. Все отношения буквально — любовные: неглупый Молчалин (актер Даниил Шперлинг) идет на компромисс с чувствами, чтобы сохранить свое положение «воспитанника» в доме; семейные: Платон Михайлович, честный и искренний (актер Иван Воротняк) — ради семьи оставляет не только службу, а нечто большее — своё призвание, свою судьбу; Фамусов вообще в полном, вечном, постоянно меняющемся компромиссе с целым рядом институтов, учреждений и лиц. Условные и вполне карикатурные «либералы» — в компромиссе с властью, которая прекрасно осознаёт, что эти либералы никаких «красных линий» никогда не переступят. Буквально каждый персонаж, даже мелкий — внутри своего компромисса, все они вместе — внутри тотального компромисса как образа жизни.

И все они быстро начинают ненавидеть Чацкого, потому что он «вне системы», он в самом себе несет возможность иного устройства жизни, той жизни, которой тут, в России (а может быть, и нигде) — как бы и не бывает. Жизни, устроенной сообразно идеалам, принципам, морали и справедливости.

...Надо сказать, что я видел Алексея Весёлкина на этой сцене очень давно — в роли Никиты Шараги в пьесе Юрия Шекочихина «Ловушка 46, рост второй». Был такой спектакль, премьера которого состоялась аж в 1985 году — первая ласточка «театральной перестройки». Юра Шекочихин еще не был депутатом съезда, грозой коррупционеров и организованной преступности, не был легендарным публицистом, хотя уже прославился яркими статьями. Он написал пьесу о футбольных фанатах, об очень страшном и ярком мире подростковых комплексов и страстей (пьеса, на самом деле, была написана по мотивам целого ряда его статей в «Комсомолке» и «Литературке»). Так вот, Весёлкин был тогда на сцене и играл одного из этих ребят.

Увидев его сейчас в роли Фамусова, я просто вздрогнул. Я знал, конечно, что Весёлкин уже далеко не мальчик, известный теле- и радиоведущий, киноактер и все такое.

Но... вот такой седой, суетливый, стертый жизнью чиновник?

Может быть, наш главный компромисс — это и есть компромисс с возрастом, с тем, что молодость с ее «идеями» проходит? И мы просто вынуждены — по самому устройству человеческого бытия — мириться с окружающей реальностью?

Мне кажется, современные люди, протестующие против нынешнего «порядка вещей» — они очень разные. Молодые и совсем нет, наивные и умудренные, волевые и обычные, самые обычные. Но их всех объединяет нечто, что выработано самой русской историей. Это некая большая масса Чацких (что невозможно было себе представить во времена Грибоедова).

Все началось уже очень давно и не может просто так кончиться. Именно об этом поставил спектакль в РАМТе Алексей Владимирович Бородин.

Summary

Andrej Volos. Meshalda

The cryptic word “meshalda” in the title of the novel means a Tajik treat, the taste of the childhood. This is a book about the people the author “knew closely, whom he is missing” and about the “recipe” of how not to “to die to the world” and to live one’s life with dignity.

Poetry

The problems of the inner growth, the force of personal attraction, questions to the life and oneself worry everybody, particularly the poets who according to Konstantin Komarovskij “create the landscape”. Katya Kapovich’s perplexity: “Me, me, me — what a nonsensical view” is cut by the line of Yana-Maria Kurmangalina: “When you are a bit over forty you are still growing”. The debut publication of Teit Tatyana ASH is dedicated to the mysterious Crimea legend about the spring of Ichme Suv.

Sergei Pereslegin. Cosmos as necessity

The author is meditating over the problems related to the man’s passing beyond the bounds of the Earth. Today the space supremacy begins to play the same role as recently the air superiority and — earlier — dominance in the ocean. The modern catastrophic situation unexpectedly opens “the window of opportunities” for our country. And the best way to exploit it is to take the leading position in exploring the space again.

Alexandra Deruguina. The City On the Hills

“These places are as love, — one wise man said: — you see them once and never forget. It’s true. There is no love without suffering, there is no love without bliss. The horror-city, adrenalin-city, sun-city, vast-city, the bright backyard of the Earth. What will you be like tomorrow morning? Will there be the sun over you? I’m waiting and hoping and shall never forget”. So the author is singing the praises to the City on the Hills — her second homeland.

Elena Lapisheva. Voices of the Alives

For her “dotted review” of the modern Belorussian literature the critic from Minsk E. Lapisheva has chosen the writers of different generations — Ales Ryazanov and Dmitrij Strotsev, Olgerd Bakharevich and Nasta Kudasova, Viktor Martinovich, Zmiter Vishnev and Andrej Hadanovich: seven authors — seven trends of the creative search which present landmarks for the modern literature of Belarus.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Дружба народов»

можно выписывать с любого месяца во всех отделениях Почты России.

Подписной индекс в каталоге «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» — **70250**

Подписной индекс в зеленом каталоге «ПРЕССА РОССИИ» — **91826**

Электронную версию «ДН» можно купить на <http://дружбанародов.com>

Журнал продается в московских магазинах:

«Фаланстер» (Малый Гнездниковский пер., 12/27)

«Бункер» (Покровка, 17; ежедневно с 12 до 22)

Также журнал можно приобрести через интернет-магазин Лабиринт.ру
в любом городе страны.

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЪЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ, СВЯЗИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РФ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

5/2021**Читайте:****Игорь Корниенко.
Рассказ «Месопотамия»:**

*«Дом Гули рухнул в первый час войны.
Стены не устояли, не уберегли. Гуля, девочка
с большими распахнутыми глазами, запомнила
лицо солдата, его голос, смех; солдат смеялся,
протыкая штык-ножом, прикрученным к автомату,
и всех выживших после бомбежки, и мертвых...
Солдат острил, шутил, будто не он, не его руки
вершат суд, будто автомат со штык-ножом обрел
душу, обрел силу действовать по своей воле,
вне ведения человека, получил право карать,
право убивать...»*

*Маленькая Гуля закрыла глаза, чтобы не видеть,
как поменяла цвет вечно чистая, лазурная,
прозрачная горная речка.*

*Темнота стала красной, солдат-шутник схватил
Гулю за волосы, густые черные кудри по пояс,
потачил к реке. Кричал, чтобы она открыла глаза
и посмотрела, посмотрела, что натворила!
Что из-за нее все так случилось, и что она
во всем этом виновата! В смерти родных,
в смерти соседей... Она развязала эту войну!
Она и есть война!*

*Гуля лишь крепче сжимала веки, веки каменели...
Солдат выбросил тело Гули под вечер,
истерзанное, свернутое в кровавый ком тело
приняла река, запачканные воды унесли
Гулю к морю, и дальше, и дальше... Унесли в
страну невозвращения. В страну забвения.
Страну стен...»*